

И шарик вернется...

Автор:

Мария Метлицкая

И шарик вернется...

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой
За чужими окнами

В молодости даже самые незначительные неприятности кажутся вселенской трагедией. В зрелости приходит мудрость, и начинаешь понимать, что разочарование обязательно сменится надеждой, а вслед за утратой придет обретение.

Героини нового романа Метлицкой не понаслышке знают, что жизнь не бывает только несчастной или только счастливой. Встречи и бурные романы, предательство и разлуки, рождение детей и потеря близких – их жизнь, кажется, мало отличается от жизни обычных женщин. Но у них есть то, что редко встречается, – настоящая дружба, и они точно знают: все изменится, все перемелется, со всем можно справиться. Главное – чтобы рядом были близкие люди...

Мария Метлицкая

И шарик вернется...

Таня

На кухне опять раздался омерзительный металлический грохот, куда хуже дребезжащего звонка будильника. Ясно – соседка Лиза грохнула что-то специально, скорее всего, крышку от сковородки или кастрюли. Это у нее правило – будить так соседей, иначе день не заладится. Танина комната ближе всех к кухне, и она слышит, как мама выговаривает Лизе: «Нельзя ли потише! Все еще спят». Лиза отвечает, что она не специально. Как же! Лиза ненавидит весь мир в целом и семью соседей в частности, и с особым усердием. Это понятно – Танина мама красавица, и это раз. У нее есть муж и двое детей, и это два. Есть бабуля, которая ведет хозяйство и помогает с детьми, это уже три. И самое главное, Танины родители недавно вернулись из-за границы. Мама одевается в «Березке», у них новая, сверкающая синим лаком машина, и заканчивается отделка отдельной трехкомнатной квартиры в новом кооперативном доме на юге Москвы. «Мало кто это выдержит, – смеется мама. – А тем более Лиза». Лиза старая дева, у нее никогда не было мужа. Цвет лица у нее серо-желтый, бабушка говорит, что от зависти. Волосы лежат вдоль лица паклей, сколько бы Лиза ни ходила «на бигудях». Она даже спит в них – металлических, с дырочками и черными резинками. Нос у Лизы длинный и хрящеватый. Уголки тонких, почти бескровных губ опущены. На лице всегда брезгливая гримаса. Она даже не скрывает, что всех ненавидит. Еще у нее кривые ноги и низкий, приплюснутый зад. В общем, не повезло человеку, что говорить. Живет она со старухой матерью, маленькой, кривобокой и беззубой, похожей на мыш. Лизина мать обожает шуровать по соседским кастрюлям. Таня однажды видела, как старуха залезла в кастрюлю с борщом и пальцами выловила кусок мяса. Таня сказала об этом бабуле, а та вздохнула и ответила: «Не пойман – не вор». Борщ, конечно, вылили и с тех пор все кастрюли и сковородки уносили на балкон. Еще бабуля вспоминала, как раньше они жили на Петровке, в коммунальной квартире, где, кроме них, жили тринадцать семей, и все дружили, ходили друг к другу на дни рождения, угощали пирогами и никто по кастрюлям не лазал. Но скоро этот кошмар кончится, они вот-вот переедут, и тогда у всех будет по комнате – у папы с мамой, у нее и у девочек. Девочки – это Таня и маленькая Женечка. Женечке всего два года. Она толстенькая и кудрявая, как кукла. У нее замечательный характер: она не плачет и не капризничает, спит ночами и хорошо ест. «Не то что ты», – укоряет мама Таню. По семейным преданиям, Таня не спала до трех лет, орала как резаная и почти ничего не ела. Мама любит об этом вспоминать. «Так что Женечка по сравнению с тобой – ангел», – говорит мама.

Таня не обижается и не ревнует – Женечку она любит больше всех на свете. Даже больше мамы. Она обожает целовать и тискать сестру. Та вырывается, но не плачет. Смеется. Золотой ребенок!

Таня открывает глаза и, укутавшись в одеяло, смотрит в потолок. Вставать совсем неохота, тем более что сегодня понедельник, начало недели, до воскресенья далеко. Короче, тоска. Мама заходит в комнату и объявляет подъем. Таня ворчит и отворачивается к стенке. Но с мамой такие номера не проходят – она стаскивает с Тани одеяло, Таня смотрит на часы и бежит умываться. Потом она надевает форму, повязывает отглаженный бабулей галстук и стоя пьет чай с бутербродом. Мама сидит за столом и, высунув кончик языка, старательно красит ресницы. На работу ей ехать далеко – на другой конец Москвы. Мама свою работу обожает. Хотя что там можно обожать? Таня не понимает. Одни цифры – мама экономист. Отец уже на работе – он уходит совсем рано, когда все еще спят, и не сталкивается на кухне с противной Лизкой. Таня забегает в комнату, чмокает теплую и сонную Женечку и выскакивает за дверь. Лифт ждать неохота – он ползет, как старая черепаха, – и она быстро сбегает по лестничным пролетам. Скорее на улицу! Там, между прочим, уже весна, и Верка, наверное, уже нетерпеливо постукивает носком туфельки, ожидая Таню. Верка всегда выходит первая.

Верка

Гарри заходит в комнату дочери тихо, как будто не собирается ее будить. На самом деле, конечно, собирается, именно за этим он и пришел. Он включает проигрыватель, иголка слегка шипит и царапает пластинку, и наконец раздаются первые аккорды. Это Вивальди – «доброе утро» от Гарри. Он присаживается на край Веркиной кровати и гладит ее по голове. Верка недовольно дергается и отодвигается к стенке. Гарри встает и распахивает шторы. В комнату врывается узкая полоска яркого солнечного света. Верка жмурится и потягивается.

– Пора! – говорит Гарри и спешит на кухню. Дверь в Веркину комнату он не закрывает, чтобы она слышала запах кофе и поджаренных в тостере гренок. Верка, зевая, садится на кровати и вслух считает: «Раз, два, три». Дальше отступать некуда, и, кряхтя, она встает. В ванной долго разглядывает себя в зеркало и тяжело вздыхает: ну почему она не похожа на маму? Ведь мама была такая красавица – пепельные локоны до плеч, серые глаза, темные брови. Все мужчины оборачивались ей вслед, даже в последние месяцы ее жизни. Хотя нет – последние три месяца она уже не выходила на улицу, только лежала. Два года

назад она умерла от тяжелой и долгой болезни. Очень долгой. Последние семь лет она все время лежала в больнице – месяц дома, два месяца в больнице. Гарри ездил к ней каждый день после работы – как бы ни уставал. Тогда он и научился готовить – и первое, и второе. Записывал мамины рецепты – она его всему научила, даже печь пироги. Было немного смешно смотреть на него: в переднике, на кухне – красавец Гарри, лощеный, волосок к волоску, длинные пальцы, узкая кисть. Мама называла Гарри аристократом. Нет, аристократом по рождению он не был – обычная, трудовая семья из украинского местечка под Винницей: отец – мельник, мать – на хозяйстве, в семье пятеро детей. Все выросли приличными, но обычными людьми. «Выбился» один Гарри – стал известным адвокатом. «А в детстве пас коров», – смеялся он.

Когда хоронили Лию Аркадьевну, Веркину мать, Гарри сказал дочери на кладбище: «Я теперь тебе и отец, и мать. Не женюсь, пока тебя не выращу. Ни одной женщины в доме не увидишь». Верка всхлипнула и кивнула. Гарри слово сдержал. Все воскресенья и праздники проводил только с дочерью. В отпуск на море – тоже вдвоем. Верка понимала, что отец – завидный жених, но была спокойна. Знала, что свое слово Гарри не нарушит. Таня говорила, что Верка – эгоистка. Наверное, так оно и было. Но ничего поделать с собой она не могла. Да и не хотела, чтобы кто-то занял мамино место в спальне или за кухонным столом. И потом, им и без посторонней женщины живется замечательно – Верка была в этом абсолютно уверена.

На столе стояла чашка с кофе – тоненькая, розовая, с золотым ободком. Мамина чашка. Верка пила кофе только из нее. На тарелке – тосты, и в розетке – клубничный джем. Покупной, но вкусный. Гарри, в белой рубашке, в синем, в полоску, галстук и сером костюме, сидел напротив и пил кофе.

– Ты красавец, пап! – искренне сказала Верка, как всегда, залюбовавшись отцом.

– Ну кто ж об этом не знает, – важно кивнул Гарри, и они рассмеялись.

Верка посмотрела на часы, торопливо глотнула кофе и вскочила со стула.

– Опаздываю! – крикнула она из коридора.

– Беги. Знание – сила. Я иду сегодня попозже, к двенадцати. Сразу в суд.

На пороге Верка столкнулась с Зиной. Зина приехала из деревни пять лет назад, работала дворником и жила «на служебной площади», в шестиметровой комнате в соседнем подъезде. Нанималась к жильцам на подработку – вымыть окна, вытрясти ковры, помочь с генеральной уборкой. К Брусницким она ходила два раза в неделю – убрать квартиру, постирать и погладить. Зина была высокая, полноватая, очень белокожая, с большими, небесного цвета испуганными глазами – словно всегда ожидала подвоха или неприятностей.

Верка крикнула ей: «Привет!» – и побежала по лестнице вниз. Громко застучали каблук новеньких лаковых босоножек – предмет зависти всех знакомых девчонок. Кроме Тани, конечно. Таня была лучшей подругой, поэтому зависть исключалась.

Лялька

Будильник вопил истошно, истерично. Лялька шарила рукой по тумбочке, пытаюсь выключить адский инструмент. С закрытыми глазами получалось плохо, вернее, совсем не получалось. Глаза пришлось открыть. Она с силой нажала ненавистную кнопку, и будильник дернулся и замолчал. Лялька полежала еще минут десять и, поняв, что опять проваливается в сон, резко вскочила и села на кровати. Она с тоской посмотрела на еще теплую и уютную подушку, мотнула головой, нащупала тапки и поплелась в ванную, залезла в душ и включила холодную воду. Было холодно и ужасно противно. Кожа покрылась крупными пупырышками.

– На тебе сошелся клином белый свет! – заголосила она.

Стало чуть легче. Потом она торопливо сосчитала до ста и выключила воду. Так Лялька воспитывала характер. Этому с детства учил ее отец.

– Чтобы не быть рохлей, – приговаривал он, растирая крошечную Ляльку жестким, мокрым и холодным полотенцем.

Лялька с детства знала, что быть рохлей – это унизительно и отвратительно. Обиднее слова нет. Рохля – это тот, кто не может за себя постоять, не может

принять решения. Рохля – это обязательно плакса и трусиха, готовая прожить всю свою жизнь за чьей-то спиной. В общем, самое жалкое и безвольное существо, которое даже жалости недостойно – только презрения. Чтобы не быть рохлей, надо обливаться холодной водой по утрам, бегать на лыжах, плавать в бассейне, есть по утрам геркулесовую кашу без сахара и масла и тертую морковь на ночь. Только морковь и стакан кефира. Никаких пирожных и конфет.

– А то будешь, как... – Тут отец замолчал.

И Лялька понимала, что он имеет в виду. Вернее, кого. Конечно, мать. Обидно, но мать действительно была рохлей – плаксивой, болезненной. Любая проблема, даже самая малая, житейская, становилась для нее вселенской катастрофой. Хозяйкой она была посредственной, деньги тратила неразумно, одевалась блекло и безвкусно и красила губы бледно-розовой «мертвячкой» помадой. Высшего образования у нее тоже не было, работала она воспитательницей в детском саду.

Как красавец и умница отец мог на ней жениться! Лялька недоумевала, хотя эту историю знала. Отец приехал в Москву из Горького, поступил в Бауманский, жил в общежитии впроголодь, на одну стипендию. С матерью познакомился у дальних родственников. Те сказали, что девочка – сирота, очень скромная и тихая, со своей отдельной квартирой. В общем, встретились, погуляли, зашли к ней выпить чаю. А выпили вина. Вместе проснулись. Он заторопился в общежитие, думал, что больше с ней не увидится. А она нашла его через два месяца и сказала, что беременна. Сыграли свадьбу. Родилась Лялька. Отец жил в одной комнате, мать с Лялькой в другой. Общались как соседи. Мать готовила еду и стирала отцу рубашки. Отец отдавал ей часть зарплаты и жил своей жизнью. Лялька не знала, что родители договорились: пока ей не исполнится восемнадцать, будут сохранять видимость семьи, чтобы не травмировать ребенка. Дураки! Как будто Лялька ничего не понимает! Смешно, ей-богу! Но это не ее дело. Как решили, так решили. Мать она любила и жалела, относилась к ней с долей презрения и брезгливости. Отцом восхищалась. Да что там восхищалась! Отца она обожала и боготворила.

Самым большим счастьем была его похвала – за что угодно. «Хорошо, что родители на работе, – подумала она. – Никто на мозг не давит и не поучает!»

Лялька съела остывшую безвкусную кашу, выпила чаю и надела ненавистную форму. «Скорее бы каникулы!» – Задержавшись на минуту у зеркала, она

заперла дверь на два замка и побежала вниз по лестнице, распахнула тяжелую дверь подъезда и увидела Таню с Веркой.

- Двинули?

Девчонки кивнули.

Светик

Мать зашла в комнату, подошла к Светику, поцеловала ее в нос и замерла, залюбовалась. Тень от Светиковых ресниц лежала на смуглых, цвета нежного персика, щеках. Локон темных волос на лбу, тонкие, шелковистые, ровным полукругом брови. А нос, а рот! Все – произведение искусства. И она в который раз удивилась – как такое могло получиться? Такое вот чудо. Она сложила руки на груди и продолжила любоваться дочерью. Мимо раскрытой двери прошел муж, отец Светика. Увидев жену, вздохнул и улыбнулся – он вполне разделял ее чувства.

- Светик! – шепотом произнесла мать.

Будить дочь для нее всегда было наказанием – Светик так сладко спала и была так прекрасна!

Светик наморщила нос и медленно открыла глаза.

- Вставай, мое солнышко! – нежно пропела мать. – Опоздаем!

Светик сладко потянулась и села на кровати.

- Умница моя! – опять умилилась мать.

Когда Светик вышла из ванной, на кухонном столе стоял стакан свежего морковного сока и натертое яблоко, политое медом. Светик недовольно поморщилась и нехотя принялась потягивать сок. Мать встала сзади и аккуратно

начала расчесывать густые Светиковы волосы. На кухню вошел отец и пропел:

- Утро красит нежным светом!

Светик вздохнула и скорчила гримаску. Отец подошел к ней и с явным удовольствием чмокнул в щеку. Светик дернулась.

- Ну пап! - капризно протянула она.

Поковыряв в тарелке натертое яблоко, Светик отодвинула его:

- Не хочу.

- Светик! - расстроилась мать.

Светик надела школьную форму, сшитую, естественно, на заказ и потому довольно красивую: юбка гофре, передник с узкими крылышками, воротничок из натурального кружева. На высокий «конский хвост» нацепила перламутровую заколку-бант, предмет зависти всех девчонок в классе и во дворе. Довольно оглядела себя в большое, в рост, зеркало и вышла в коридор. Отец уже стоял одетый - в светлом плаще, заморской клетчатой кепочке, с блестящим кожаным портфелем в руке.

Мать обняла Светика и расцеловала в обе щеки, сунула пакет с бутербродами в портфель - Светик никогда не ела в школьной столовке. Отец вызвал лифт, а мать стояла на пороге квартиры и махала рукой, потом, закрыв за мужем и дочерью дверь, оглядела квартиру: как всегда, предстоит уборка - пылесос, тряпка, щетка. Потом - обед из трех блюд. Еще непременно какой-нибудь десерт: пирог или пудинг, Светик обожает сладкое. Мать Светика не работала - была домашней хозяйкой. Такую роскошь позволить себе, как правило, обычные советские женщины не могли, а она могла - не у всех мужья занимают ТАКИЕ посты. Да и вообще, не у всех такие благополучные семьи и далеко не у всех такой материальный достаток. На улице стояла служебная машина Светикова отца. Он сел на переднее сиденье, а Светик расположилась на заднем. Машина медленно двинулась по двору. В окно Светик увидела своих подружек - Таню, Верку и Ляльку - и помахала им. Им было не по пути - Светик училась во французской спецшколе, пешком далеко, минут тридцать. Каждое утро отец подвозил ее на своей машине.

Зоя

Зое не нужен был будильник – она вставала сама, четко, за минуту до звонка, не позволяя себе нежиться в постели ни минуты. Быстро вскакивала, открывала окно настежь – в любую погоду – и под бодрые звуки радио начинала делать утреннюю гимнастику. Потом она быстро бежала в ванную, умывалась и, накинув халатик, выходила завтракать. Мать уже стояла у плиты, следом на кухню выходил отец. Мать раскладывала по тарелкам овсяную кашу. Завтракали молча, чтобы не разбудить бабушку. Бабушка была главным членом семьи. Еще бы – соратница самой Надежды Константиновны Крупской, заслуженный человек, персональная пенсионерка, фронтовичка, писательница. Кстати, эту прекрасную трехкомнатную квартиру государство выделило именно бабушке. За заслуги, разумеется. А так – жили бы дальше в деревянном бараке на Смоленке, с крысами и колонкой на улице.

У бабушки была самая большая комната – с двумя окнами, она называла ее «кабинет». На столе стояла пишущая машинка, на которой бабушка работала, писала свои книги – воспоминания о революции и встречах с Лениным. Когда бабушка работала, все ходили на цыпочках – не дай бог, помешать!

Быстро и молча позавтракав, все разбегались по комнатам – одеваться. Папа и мама спешили на работу, в проектный институт – оба были инженеры, – а Зоя торопилась в школу. Она любила приходить пораньше, минут за пятнадцать до звонка, чтобы спокойно, без спешки, раздеться, переобуться, спокойно, не торопясь, подняться в класс, сесть за парту и аккуратно разложить учебники и тетради. И заодно – повторить домашнее задание, чтобы все было четко и без промахов. Промахи Зоя не любила – так ее воспитала бабушка. Кстати, она и назвала ее Зоей, в честь героини партизанского движения.

Зоя вышла из подъезда и увидела неразлучную тройцу – Таню, Верку и Ляльку. Девчонки, болтая, неспешно шли по дороге к школе. Зоя обогнала их, бросила:

– Привет! – и заторопилась.

Девчонки остались позади. Куда спешить? Все равно Зоя будет первой. А они лучше потреплются еще десять минут.

Шура

Шура нехотя открыла глаза. В большое, фонарем, окно яростно, почти полетному пробивалось солнце. Она полежала еще пару минут и села на кровати, потом встала и, как всегда, по-старушечьи шаркая, пошла на кухню. На кухне, у окна, сидела мать – застывший взгляд, сигарета, остывший кофе. Не поворачивая головы на дочь, бросила сквозь зубы:

– Шаркаешь, как старуха. Ноги поднимай!

Шура не ответила, положила в чашку три ложки какао и три ложки сахара, отрезала толстый кусок белого хлеба и густо намазала маслом, сверху положила кружок колбасы и квадратик сыра. С удовольствием откусила бутерброд и шумно глотнула какао.

– Господи! – прошипела мать. – Скоро в дверь не пройдешь – застрянешь. Юбка на жопе трещит.

Шура молчала.

– В тринадцать лет вешишь вдвое больше меня. Что дальше-то будет?

Шура не отвечала.

– Что молчишь? – выкрикнула со злобой мать. – Не слышишь?

Шура со стуком поставила на стол чашку и вышла из кухни. Отвечать себе дороже. Будет скандал непременно. Мать наорется, начнет рыдать и проклинать свою судьбу. Достанет бутылку и нальет стакан, а потом зарыдает пуще прежнего. Начнет проклинать отца и желать ему скорой смерти. Туда же приплетет и Шуру – ясное дело, «чертово семя».

Шура не обижается, все понимает. И жалеет мать. Очень жалеет. Отец ушел полгода назад. А какая была прекрасная и дружная семья! Мать – красавица. Тоненькая и стройная, как девочка: синие глаза, темные волосы. Одевалась как картинка – еще бы, работала в ГУМе, завсекцией трикотажа. Все к ней на поклон – мол, помогите, Любовь Васильевна! Мать всегда помогала – и соседям, и друзьям, и родне. Доставала сапоги, кофточки, лифчики, мужские свитера, норковые шапки. Никому не отказывала. Говорила, что всем хочется красиво одеваться. Дом – полная чаша. Квартира четырехкомнатная – чешские люстры, немецкие ковры, румынская мебель. А посуда, а вазы! Шура красивее квартиры не видела. Дом всегда полон был гостей – люди приходили и восхищались квартирой и мамиными кулинарными талантами. И конечно, самой мамой. Все любовались ею, и отец в том числе. Первый тост – за маму. Говорил, как ему повезло. Мама вся светилась – просто молодожены. Шура не помнила, чтобы они ругались или скандалили. Все мирно, на улице – за ручку.

В общем, нашел отец красивее и моложе – предела совершенству нет. Собрал вещи и ушел. Одним днем. Мать так и не успела ничего понять. Села на кухне с сигаретой и застыла, а потом начала пить. С утра. К обеду уже никакая. На работу не ходила. Три месяца ее жалели, прикрывали, как могли. А потом уволили – по собственному желанию, не по статье, опять пожалели. Приезжали подружки – она никому дверь не открывала. На улицу не выходила. Вот такая жизнь.

Шура натянула колготки, надела форму. В платье, как всегда, влезла с трудом. Вздохнула и подошла к зеркалу в прихожей.

«Отвратительно», – подумала она. Широкое лицо, усыпанное крупными коричневыми конопушками. Нос-картошка. Брови и ресницы белесые, бесцветные. Глаза... Да какие там глаза! Непонятного, размытого серо-зеленого цвета. Ах да, еще волосы! Жесткие и непокорные, точно щетина от щетки. Шура пригладила их руками. «Надо бы намочить», – подумала она. Но идти в ванную – опять столкнуться с матерью. Да и времени в обрез. Она еще раз горестно вздохнула, надела плащ и вышла из квартиры.

До школы было близко – всего-то пять минут. Только дорогу перейти. У крыльца стояла неразлучная троица: Таня Купцова, Верка Брусницкая и Лялька Басина. Три красотки заходить в вестибюль не торопились, оживленно болтали и громко смеялись.

- Привет! - сказала Шура.

- Привет, Шурыгина, - бросила Верка. - Ну что, все шаркаешь? Дырку в асфальте не протри!

Таня толкнула Верку в бок. Ляля качнула головой:

- Да оставь ты ее, убогую. Ей и так несладко.

- Да ладно! - Верка усмехнулась. - А у кого все путем? Что-то я таких не вижу!

Девочки замолчали. Лялька толкнула тяжелую входную дверь, друг за дружкой вошли в раздевалку. А куда деваться?

- Знание - сила, - со вздохом сказала Лялька, расчесывая у зеркала свои роскошные белые волосы.

Школа

Школа была старая, довоенная, из темно-красного кирпича, в три этажа. За ней находился роскошный вишневый сад. Когда к маю он расцветал, казалось, что деревья покрылись первым, легким и кружевным, снегом.

Спортивный и актовый залы находились на первом этаже. На втором - тесноватая столовая, куда на переменах до отказа набивались галдящие ученики. Там же, на втором этаже, учились первоклашки, а на третьем - старшие классы. Лестничные проемы были огромными, потолки высокими. На полу - старый, но крепкий дубовый паркет, который натирался мастикой - приходил специальный человек, полотер дядя Петя, и, надев на ногу щетку, танцевал свой нелегкий танец. Стены до половины были выкрашены ярко-голубой, бьющей в глаза краской.

Повариху школьники звали по имени - тетей Тасей. Три раза в неделю она пекла замечательные пончики, за которыми выстраивалась длинная очередь.

Директрису Лидию Ивановну обожали все – от первоклашек до старших учеников. Она была спокойна и корректна, ко всем обращалась на «вы». Внимательно выслушивала чужое мнение, никогда не повышала голоса. Впрочем, ее и так было слышно. Ее уважали, с ней считались, ее любили. Понимали, что она – человек справедливый. Уроки географии, которые она вела, все обожали. Прогулять? Да такое просто никому бы и не пришло в голову.

А русичка, Елена Осиповна? Очень полная, одышливая, с трудом умещающаяся на стуле. Одинокая и бездетная, что, впрочем, не мешало ей искренне любить детей. Говорили, что до войны у нее был роман с известным поэтом, но он погиб на фронте, и больше она ни с кем отношений не заводила. Любила этого поэта всю жизнь, дружила с его сестрой и матерью. Это и была ее семья.

А математичка Надежда Ивановна? Очень строгая, даже чопорная. Очки, указка, резковатый голос. Но даже самые неспособные к математике гуманитарии не чувствовали себя на ее уроках идиотами.

А англичанка Тамара Васильевна, Томочка? Маленькая, тоненькая, как подросток, смешливая – на ее уроках всегда весело. А биологичка Зухра Абдурахмановна? Как она рассказывала о тропических бабочках! И это – совсем не по программе.

А химичка Анастасия Георгиевна, ставившая ко всем праздникам спектакли? Для малышей – «Красную Шапочку» и «Кота в сапогах», а для старшеклассников «Горе от ума» или чеховского «Ионыча».

Военное дело преподавал фронтовик Владимир Аронович – хромой, с рукой на перевязи, с изуродованным осколком лицом. Какое там военное дело? На уроках он читал стихи своих товарищей – Уткина, Багрицкого, Кирсанова. Сам писал книги о войне и был членом Союза писателей.

А любимая, обожаемая Ида Давыдовна, учительница начальных классов? На переменках девочки бегали на второй этаж, чтобы повидаться с ней, поговорить о жизни, рассказать о своих проблемах. Она всех внимательно слушала, советовала, как поступить, передавала приветы родителям. Знала все про всех, и ей это было интересно.

Были, правда, довольно противная «трудичка» и туповатый физрук, но, как говорится, не без издержек. И потом, кто серьезно относился к труду или к физкультуре? Мирились, как с неизбежным.

И конечно, все – и ученики, и родители – понимали, что школа добротная, хорошая, со своими устоями и традициями.

Но кроме праздников, были еще и печали. В шестом классе умерла от саркомы Лара Сорокина. Класс прощался с ней. Она лежала в гробу, покрытая голубым шелковым покрывалом, на ее лицо медленно падали редкие снежинки – падали и не таяли. Учителя говорили прощальные речи, мать Лары держали под руки, а девочки стояли замерев: в первый раз они так близко увидели смерть.

Таня

Хозяйство вела бабушка, она же сидела с маленькой Женечкой. Мама вышла на работу на полставки – одной отцовской зарплаты на семью не хватало. Таня приходила из школы, обедала, тетешкалась с сестрой и убегала во двор. Уроки – вечером, надо же было передохнуть!

В семь лет Таня узнала правду: отец у нее неродной. Сказала ей об этом дочь дальней родственницы, девица старше ее на три года. Когда Таня упомянула про отца, эта «милая» девочка ехидно спросила:

– Отец? А про какого отца ты говоришь? У тебя же их два!

Таня растерялась и расплакалась.

– Дура! – крикнула она этой гадине. А потом задумалась: у нее действительно другое отчество, как-то она видела это в документах. И фамилия у нее Купцова, а отец и Женечка – Романовские. Она тогда спросила у мамы, но та отмахнулась: «Потом объясню». «Потом» не объяснила, и Таня больше не спрашивала, почему-то не хотела ставить маму в неловкое положение. Глупость, конечно. Уже после, став взрослой, она поняла, что это мама поставила ее в неловкое положение. Конечно, надо было все объяснить. Дети не дураки. Но у мамы была своя правда

– она хотела, чтобы Таня считала отчима отцом. От родного отца все воспринимаешь по-другому. Наверное, в этом и была мамина правда. Отчим был хорошим человеком – никогда, ни разу Таня не почувствовала, что он любит Женечку больше ее. Никакого различия между девочками он не делал, впрочем, будучи человеком довольно холодным, равнодушным, что ли, он вряд ли был способен на большие чувства к детям. А вот маму он точно любил – это было видно по его глазам: когда он на нее смотрел, разговаривал с ней, называл ее нежными и смешными, придуманными им самим домашними прозвищами. Да и вообще, не любить красавицу и умницу маму было невозможно. Можно только было мечтать хоть немного, чуточку быть похожей на нее.

Таня не страдала от того, что отец ей неродной, – она просто не думала об этом. И потом, любви ей хватало – и мама, и бабуля, а главное – Женечка. Сестру она любила до дрожи, до беспамятства, больше всех на свете. Младшей сестры больше не было ни у кого – ни у Ляльки, ни у Верки, ни у Светика, ни у Шурыгиной, и все ей немножко завидовали. Когда Таня выходила с Женечкой во двор, все девочки начинали малышку трогать и целовать, пока Таня строго их не одергивала.

Родители уезжали на два года за границу, в очень далекую, неизвестную и таинственную страну – Малайзию. Таню с собой не взяли: при посольстве была только начальная школа. Мама плакала перед разлукой и обнимала ее, Таня тоже плакала и целовала маму и маленькую Женечку. Разлука представлялась ей большим и необъятным горем. Какие там джинсы, жвачки и дубленки? А два года не видеть маму и сестру? Провожали родителей в Шереметьево. Мама шла по длинному коридору, махала рукой и вытирала слезы, отец нес на руках плачущую Женечку. Потом, конечно, были письма и фотографии, цветные открытки с необычайными красотами – водопадами, океаном, китайскими пагодами. При любой возможности мама присылала Тане подарки: кофточки, платья, заколки и главное богатство – эластичные цветные колготки, красные, синие и белые. А на Новый год приехал курьер с огромной коробкой, в которой были невиданные деликатесы: копченая колбаса, черная икра, шоколадные конфеты и миноги в желе – любимое бабулино лакомство. В общем, не Новый год, а сплошное гастрономическое великолепие и разврат, как сказала бабушка. Еще мама присылала цветные ластики, пахнувшие малиной и клубникой, и перьевые китайские ручки, которые не текли – гладкие, перламутровые и очень удобные. А бабушка посылала с оказией маме и отцу бородинский хлеб и селедку в плоской металлической банке. На Таниной тумбочке у кровати стояла фотография Женечки, и каждый раз на ночь она ее целовала и говорила «спокойной ночи».

Два года пролетели, и Таня с бабушкой встречали свою семью в Шереметьево. Таня почему-то очень волновалась, и у нее сильно потели руки. Маму она сразу не узнала: боже, какая красавица! Женечка выбежала навстречу, и Таня подхватила ее на руки. Та вырывалась и кричала, что Таню она не знает, что ее сестра осталась там, на фотографии, в посольстве.

- Ты чужая девочка! - заявила Женечка.

Таня плакала и смеялась. Дома ждал накрытый стол: бабуля расстаралась. Мама с папой ели холодец и пироги и стонали от удовольствия. Женечка крутилась возле стола и отказывалась от незнакомых деликатесов. Потом она начала капризничать, и ее уложили спать. Таня присела на край кровати и гладила спящую сестру по голове. Она была счастлива.

Потом, конечно, мама стала разбирать чемоданы. Господи, и чего там только не было! Все, что могла и не могла себе представить советская девочка-подросток, выросшая в обычной среднестатистической семье. Какие платья, юбки, курточки! Какие лаковые туфельки - красные, черные, фиолетовые! А кожаная юбка! А золотое колечко с мелкими бирюзинками! Таня засыпала счастливая под тихий шепот бабушки и мамы, которые сидели за столом до рассвета, никак не могли наговориться.

В школу, конечно, мама «выпендриваться» не разрешила. А как хотелось! Потихоньку Таня положила в мешок со сменкой лаковые туфли и вскоре убедилась: мама была права, девчонки смотрели на нее косо, с явной завистью и осуждением. Конечно, кроме Верки и Ляльки. А как иначе? Они же близкие подруги, самые близкие. Поэтому зависть исключалась.

Верка

Какая зависть? Чему завидовать? Тряпкам и жвачкам? Этого добра у Верки было навалом. Гарри ее баловал, как мог. Покупал вещи на валюту, водил обедать в рестораны, возил на лучшие курорты. Верка ни в чем не знала отказа. Но разве дело в этом? Верка скучала по маме, каждый день и каждую ночь. Днем - еще куда-никуда, а ночью становилось совсем плохо. Верка плакала и причитала.

Засыпала только под утро, вконец измученная. От Гарри она свои страдания скрывала, понимала, что и ему ох как нелегко. Видела, как он сидит на кухне, уронив голову на руки. И час сидит, и два.

Верка не завидовала ничему и никому в этой жизни, только тем, у кого была мама. Она помнила, как мама садилась на край ее кровати, щекотала ее за ухом и тоненькой струйкой дула в ухо. Верка отворачивалась и смеялась. И не было большего счастья.

Конечно, она понимала, что отец – совсем молодой мужчина, интересный и обеспеченный. Лакомый кусок для любой дамочки. Но что Верке до этого? Делить отца она ни с кем не собиралась. Эгоистка? Пусть так. Но не надо судить. Вы бы так попробовали! Не приведи господи.

Лялька

Лялька тоже никому не завидовала. Еще чего! Глупость какая! Зависть – непродуктивное чувство. Умная Лялька это понимала.

Тряпки Ляльку не очень интересовали. Ее не портили даже серые и убогие произведения советской легкой промышленности, потому что у нее была «фактура» – так говорила Танина бабушка: длинные и стройные ноги, тонкая талия и роскошные цвета льна длинные волосы.

Можно завидовать крепкой и дружной семье, но у кого на деле было так? У Таньки – отчим, неплохой, конечно, дядька, но не родной отец. У Верки вообще горе, мать похоронила. У Шурыгиной и вовсе вся жизнь развалилась – отец ушел к молодой, мамаша спивается. Вот уж кому можно посочувствовать! У Зойки бабка – идейный тиран, так говорит Лялькин отец. Держит эта бабка все семейство в ежовых рукавицах, не забалуешь. У Светика-семицветика все как сопля и сахарный сироп: «сю-сю» – и все общение. Мать под ней и папашей стелется, прогибается по полной. Смотреть противно.

Так что в свои четырнадцать лет Лялька четко усвоила: счастья нет, а есть покой и воля – как, смеясь, говорил папа. Еще Лялька догадывалась, что у отца есть

женщины. Ну, во-первых, вечерами ему звонили, и он запирался в ванной с телефоном. На выходные уезжал с ночевкой. В отпуск ездил один. В смысле без мамы и Ляльки. То есть скорее всего не один. Правда, у него была большая компания походников и байдарочников, и Ляльке очень хотелось поехать с ним, в Карелию например. Но отец ее с собой не брал, как бы она ни просилась. Говорил, всему свое время. Из всего этого Лялька и сделала выводы, что в свои поездки папан отправляется не один. Ну, и бог с ним.

А вот глупая мамаша ревновала. Подслушивала под дверь его разговоры, требовала, чтобы он ночевал дома, «соблюдал приличия». Устраивала истерики, что отец дает мало денег, а «тратить на своих потаскух – это пожалуйста». Отец ничего ей не отвечал, только ухмылялся, а она заводилась еще сильнее, закрывала собой входную дверь, отец вздыхал и говорил со смехом: «Откройте амбразуру, мадам!» Мать принималась рыдать и убегала к себе в комнату. Отец чмокал Ляльку и улыбался: типа держись!

Лялька отводила глаза. Мать жалела, но слегка презирала. К чему эти истерики? Ей, Ляльке, и то все понятно. А она? Взрослая женщина. К чему так унижаться? Лялька заходила в комнату, чтобы утешить мать, а та с пафосом заявляла: «Этот мерзавец сломал мне жизнь!»

Лялька тяжело вздыхала и уходила на кухню. Мать почему-то уже не было жалко.

Светик

Светика родители раздражали – вечно крутятся вокруг нее, хороводы водят. Мать до сих пор ей ногти на ногах стрижет. Противно. Хотя любой дочуркин каприз бегут исполнять наперегонки. Даже смотреть на них смешно. Короче говоря, «то, чего требует дочка, должно быть исполнено. Точка».

Мать крутится целый день на кухне, чтобы угодить любимой дочурке и мужу. Папашу называет «кормильцем», с придыханием. А он жалеет ей денег на новую шубу и парикмахерскую. А она – ничего. Старую шубу подлатает, волосы в пучок закрутит – и опять за веник и за швабру. И так всю жизнь. А вот Светику папаша ничего не жалеет. Странно как-то. Потом она поняла: маман у него прислуга и

домработница. Удобно. Вечером садятся ужинать – мать на подхвате. Кусок не успевает проглотить. Все скачет от стола к плите и наоборот. Отец раздраженно бросает ей:

– Сядь, не мельтеши.

А Светик вздыхает и закатывает глаза. Хозяйка мать отменная – и варит, и печет, и на спицах вяжет, и крючком. Отец после ужина ложится на диван перед телевизором, а маман сидит на кухне и вяжет папаше и Светику теплые свитера и носки. Тихонько так, чтобы никого не раздражать, и выражение лица у нее такое, словно она чего-то боится. А Светик отца не боится: знает, может подойти, поканючить: «Ну пап!..» Он тут же среагирует. Вообще считается, что Светик слаба здоровьем. Ну, простуды частые и горло болит. Папаша тут же привозит профессоров из закрытой поликлиники, те берут анализы, делают кардиограмму – все на дому. Маман выжимает через марлю гранатовый сок и ложками впихивает в Светика черную икру. Светик капризничает. В школу идти неохота.

Комната у Светика огромная, в два окна. Цветной телевизор, магнитофон, японский, кассетный. Болгарская дубленка цвета кофе с молоком, белые лаковые сапоги из «Березки». Чему завидовать? У Светика и так все есть.

Зоя

Зоя вообще на тряпки внимания не обращала. В ее семье ценили знания, а еще – скромность. Скромность вообще считалась главным человеческим достоинством. Да, можно позавидовать хорошей библиотеке, хорошему образованию. Но чему-то материальному – ни-ни. Хотя, если честно – а Зоя сама бы побоялась себе в этом признаться, – ей, конечно, очень нравились Танины лаковые туфельки, и золотистый ободок на волосах, и кожаный пенал на молнии. Но при этом она точно знала: без всего этого спокойно можно прожить, в жизни есть вещи куда более важные и значимые – так ее воспитывала бабушка. А главное, чем бабушка, у Зои авторитета не было.

Да, еще Зое очень хотелось иметь младшую сестренку или братика. Но мама говорила, что это очень усложнит ситуацию – принесет бабушке много лишних

хлопот. Плач ребенка, пеленки, проблемы. А бабушке нужно писать важные книги, читать лекции в школах. Ведь у нее такая судьба! Такие люди встречались на ее непростом жизненном пути! Словом, бабушке для ее творчества, такого необходимого людям, нужны тишина и покой.

Шура

Шура завидовала всем – Тане, Верке, Ляльке, Светику и Зое. Ведь все такие красавицы! Ну, у Зои, допустим, внешность вполне заурядная, но рядом с Шурой... Рядом с Шурой все красавицы. Да что там красота! Разве в этом дело! У других девочек были семьи с нормальными, непьющими родителями, и отцы не бросали своих дочерей и не уходили к молодым любовницам. И у всех на столе был обед и гости по праздникам. У Шуры тоже когда-то такое было. А какая у них раньше была красивая квартира! А теперь мать половину вещей продала, а половину раскокала. И такая грязь! Только Шура полы помоеет, а они через час липкие и грязные. Она хорошо знала, что такое нормальная семья, и от этого ей было вдвойне больнее и тяжелее. А тряпкам и туфлям Шура не завидовала – в свои четырнадцать лет она хорошо понимала, чему можно завидовать и что в жизни главное.

Уже – про любовь

Конечно, уже начались влюбленности. В Таню влюбился главный хулиган, предводитель местной шпаны и гроза района Вовка Гурьянов. Вовка был высокого роста, широкоплечий и кривоногий, с длинной челкой, выбитым в боях передним зубом и в широченных «клешах». Ничего плохого Вовка и его дружки не делали – сбивались в стаю, курили, смачно и громко сплевывали и свистели вслед проходящим девчонкам, но их почему-то побаивались. Особенно – мальчишки. Вовка с компашкой приходил в Танин двор, садился на лавочку напротив ее окон, свистел и кричал:

– Таня, выходи!

Таня подходила к раскрытому окну, смотрела на Вовку, крутила пальцем у виска и со стуком закрывала окно. Выходить она, конечно, не собиралась. Еще Вовка писал цветным мелом, отобранным у малышей, на стене Таниного подъезда: «Танька! Я тебя люблю! И ты – самая КРОСИВАЯ девочка на свете». Таня проходила мимо этих посланий, вздыхала и качала головой. На Вовку ей было совершенно наплевать, но в душе ей было приятно, хотя в этом она ни за что не призналась бы даже Верке и Ляльке. А самой Тане нравился Павлик Бурляев из девятого класса. Павлик был высок и голубоглаз. На переменах, прислонившись к стене, он, не поднимая глаз, читал книгу. На Таню Павлик не обращал никакого внимания, да и на других девчонок тоже – это слегка утешало.

Верка была влюблена в своего соседа по лестничной клетке – Андрюшу Силладия, студента МГИМО, между прочим. Андрюша приходил в дом с высокой и кудрявой девицей в очках, бросал Верке «привет» и обнимал девицу за талию. Верка ревновала и страдала. Приговаривала, злобно прищурив глаза: «Ничего, придет война, хлебушка попросит».

А вот у Ляльки, можно сказать, уже второй год как был парень. На летние каникулы ее отправляли к родне в Мелитополь. Там у нее и закрутилось с одним аборигеном. Гуляли, целовались до вспухших губ. А потом Лялька уезжала в Москву до следующего лета. Мелитопольский пылкий кавалер ждал ее возвращения с нетерпением.

Девчонки с уважением относились к Лялькиному роману и считали, что у нее все «по-взрослому».

Светик полагала, что мальчиков, достойных ее величества, в принципе нет. Одноклассники – дураки и тупицы, пишут дурацкие записочки и подкладывают в парту шоколадки. Ей было даже неинтересно узнать, кто это делает. Ей нравились Ален Делон, Станислав Любшин и еще Вячеслав Тихонов. Но больше всех ей нравилась она сама, Светик-семицветик. Так нравилась, что она по часу крутилась перед зеркалом. С огромным, надо сказать, удовольствием.

А вот у Зои была одна страшная тайна, конечно, никому не известная. Ей нравился учитель физкультуры Геннадий Романович. Его поголовно все считали отъявленным тупицей, и Зоя, конечно, в душе была с этим согласна, но ничего поделаться с собой не могла – хоть и объект был явно недостойный. Но, когда она смотрела на широкие плечи физрука, на его крепкие мускулы, широкую шею, светлый чуб и голубые глаза, ее сердце начинало бешено колотиться и спина

покрывалась холодным и липким потом. Зое было неловко перед самой собой, но поделаться с этим она ничего не могла. На уроках физкультуры она старалась быть лучшей – прыгать дальше всех и бегать всех быстрее. А когда она перепрыгивала через козла и Геннадий, помогая ей, поддерживал за спину, ей казалось, что вот прямо сейчас она грохнется в обморок. Словом, Зое было нелегко. Она даже спать по ночам начала рвано и тревожно.

В общем, половой вопрос, как ни странно, первым коснулся отличницы Зои. Значит, такова была ее пылкая природа, которая уже намекала, что доставит ей много хлопот и позволит наделать немало глупостей.

Шуре было не до любовей. Выжить бы! Справиться как-то с этой жизнью! Идеалом мужской красоты она считала отца, несмотря на смертельную обиду на него, от которой просто разрывалось сердце. Но, понимая, что все беды и горести, которые навалились на нее, разорвали ее жизнь пополам – до и после, – это была его вина, только его, она не переставала его любить, жадно, до боли в сердце. И так же сильно – ненавидеть. Она понимала, что такого мужчину у нее вряд ли будет возможность завоевать.

А пока – почти заканчивались учебный год и самая томительная, хотя и короткая, четвертая четверть. Все жили в предвкушении летних каникул.

Таня

А в Таниной жизни вот-вот должны были произойти и вовсе глобальные перемены – переезд на новую квартиру. Родители мотались туда почти ежедневно после работы. Ремонт подходил к заключительной стадии. Однажды в воскресенье мама объявила, что они всей семьей, включая Женечку и бабушку, едут смотреть новостройку.

У Тани было странное чувство: с одной стороны, новая отдельная квартира – это, конечно, замечательно, волшебно и прекрасно. Не будет грохота кастрюль по утрам и перекошенной физиономии соседки. Да что говорить – у них с сестрой появится своя, отдельная комната. И у бабули тоже. У мамы с папой – отдельная спальня. А еще своя кухня и своя ванная. Но... Со следующего учебного года придется переходить в девятый класс в новую школу, а это означает разлуку с

Веркой и Лялькой, разлуку со школой и любимым двором, разлуку с Павликом Бурляевым, между прочим. И все это казалось Тане катастрофой.

Смотреть квартиру поехали в воскресенье, сразу после завтрака. Бабуля тоже, похоже, грустила – смотрела в окно и тяжело вздыхала. Наконец въехали в новый район: бескрайние поля, лес на пригорке, вразбивку несколько новых домов.

– Выселки, – буркнула бабуля, вылезая из машины. – Край земли.

– Деревня какая-то, – поддакнула Таня. – Поля и просторы. Никакой цивилизации.

Мама разозлилась:

– Метро, между прочим, уже есть. До центра – двадцать минут. Да, магазинов еще нет. Но к осени откроют двухэтажный универсам. Школа и сад – построены. Под окном – березовая роща. Рядом – Ленинские горы. И скоро этот район будет самым популярным – ведь здесь сплошная интеллигенция, никаких заводов и фабрик. Воздух чудесный – роза ветров. И вообще вы нахалки, – заключила расстроенная мама.

Но когда поднялись в квартиру, у Тани замерло сердце. Боже, какая красота! Кухня – новая, из светлого пластика. На полу – квадратики цветной плитки. На окнах кружевные, легкие занавески. Унитаз и раковина – розового цвета! В «детской», как назвала эту комнату мама, две красные кушетки, обои с гномиками, красные шторы и замечательная трехцветная люстра – с синим, красным и желтым плафонами. На стенах – картинки: девочки в шляпках с зонтиками и собачками. Письменный стол у окна. Свой, личный платяной шкаф. В родительской спальне – гарнитур орехового цвета, голубые шелковые шторы. И комната бабули – стол, кровать, шкаф, телевизор.

Все ходили по квартире молча – слишком велико было волнение. Бабушка трогала руками обои и шторы, гладила новую плиту, белоснежную и блестящую. Женечка носилась по квартире, скользила на гладком полу с только что высохшим лаком.

Мама стояла в коридоре и улыбалась, довольная произведенным впечатлением.

- А еще - два балкона, - загадочно сказала она.

Все бросились на лоджию и - замерли. Почти под окном, в пяти или меньше минутах ходьбы, белела и зеленела густая березовая роща.

- А по ночам здесь поют соловьи, - добавила мама.

- Ну и когда мы переедем? - вздохнула Таня.

- Недели через две. - Мама обняла ее. - Ты как раз закончишь четверть, а мы будем потихоньку собирать вещи. Только вот ни дачу, ни море мы в этом году не потянем, так что придется провести каникулы дома. Гулять в роще, например. А что, ничем не хуже дачи!

- Лучше! - подхватила бабуля, которая терпеть не могла съемные дачи, с вечными неудобствами, одергиванием хозяев. «В гостях, но за свои деньги», - говорила она.

Домой ехали молча, под впечатлением. Таня подумала, что неплохо провести каникулы в городе. «Буду ездить в старый двор, - решила она. - Хотя все наверняка разъедутся кто куда». Почему-то ей захотелось расплакаться. Она хлюпнула носом и отвернулась к окну.

- Без сырости! - сказала мама.

- Оставь ее, - ответила бабуля.

Верка

Зина делала большую уборку, «генералила», как она говорила.

Тяжело дыша и кряхтя, наклонившись, по-деревенски подоткнув подол платья, она тряпкой мыла пол.

- Возьми швабру, – посоветовала Верка. – Чего корячиться?

- Не, – ответила Зина. – Шваброй в углы не залезешь.

- Подумайте только! – покачала головой Верка и пошла в свою комнату.

Она включила магнитофон, села в кресло, ноги положила на стул, откусила яблоко, закрыла глаза и принялась в такт музыке покачивать головой. Потом ей захотелось чаю, и она пошла на кухню. За кухонным столом сидела Зина.

- Устала? – спросила Верка. – Еще бы, на карачках по углам шарить.

- Плохо мне, Верунь! – тихо ответила Зина. – Голова кружится и тошнит сильно.

Верка с размаху плюхнулась на стул.

- А ты не беременная часом, душенька моя?

Зина кивнула и расплакалась.

Верка подошла к ней и обняла за голову.

- Ну ладно, Зин, не реви. Все в жизни бывает. А папаша-то знает?

Зина разрыдалась еще пуще и замотала головой.

- Ну, значит, надо поставить в известность, – рассудительно сказала Верка, глядя Зину по голове.

Зина зажала рот рукой и бросилась в туалет.

Верка подошла к окну и дернула раму. Окно распахнулось, и свежий воздух ворвался в квартиру. «Совсем тепло, – подумала она. – Как здорово, скоро лето, и мы поедем с Гарри на море. В Сочи, наверно, в дом отдыха «Актер». А там всегда такой класс! Такие люди и так весело! Гарри, конечно, закрутит легкий романец с какой-нибудь красоткой и будет пропадать по ночам, да и бог с ним!

Это только на руку, потому что это означает полную свободу! А что может быть лучше свободы на теплом море?»

Зина, умывшись, вышла из ванной, лицо у нее было красное и опухшее. Верка налила в чашку чаю и поставила перед ней.

– Пей! И сахару положи. А может, поешь?

Зина замотала головой.

– Ну, так что, папашу будем вводить в курс дела? Вроде бы пора. – Верка была настроена решительно.

Зина глотнула чаю и разревелась пуще прежнего.

– Думаешь, в отказку пойдет? – задумчиво проговорила Верка. – Ну ничего, не бойсь. Управу на этого деятеля найдем! Отец поможет!

Зина смотрела на Верку во все глаза, и у нее тряслись руки.

– Кто он, принц твоих тайных грез? Водопроводчик Василий из ЖЭКа? Или электрик Виталик? А может, дворник Равиль? Кто, говори! Кому будем бить морду и требовать алименты? Ну чего молчишь, Зинаида? Помнишь хоть, как его зовут?

– Помню, – сказала Зина. И тихо, почти прошептала: – Гарри Борисович.

У Верки из рук выпала чашка, и она опустилась на стул.

Лялька

У Ляльки была большая радость, даже почти счастье – отец пообещал взять ее с собой в отпуск. В этом году решили ехать в Эстонию, на какой-то почти дикий остров: сосны, белый песок, море, грибы и ягоды в избытке, рыбалка на угрей.

Жить, разумеется, будут в палатках. Компания – четыре семьи, ну или почти семьи. Дядя Лео, Леонид Константинович, еще школьный друг отца, – старый холостяк. С подружкой, разумеется. И еще один приятель – Гриша по кличке Котовский. Естественно, по причине абсолютного, тотального отсутствия какой-либо растительности на голове. Разведен Гриша был давно и бессистемно проживал с разными женщинами. Кого он возьмет с собой в Эстонию, пока оставалось загадкой. Кажется, об этом точно не знал и сам Гриша. Но вариантов – предостаточно, так что особенно он не заморачивался. И школьный друг отца Митя, врач-травматолог, так что, шутил отец, за свои жизни можно не опасаться. У Мити была жена Поля – маленькая, худенькая, как подросток. Митя называл ее «крошка». А Поля, между прочим, была заведующей гинекологии в центральной больнице. Когда Лялька смотрела на молчаливую и спокойную Полю, то всегда думала о матери и еще – о том, как не повезло ее отцу. А пока отец с Лялькой готовили палатки, собирали посуду и утварь. Отец бегал по всей Москве и скупал консервы и крупы.

Мать, естественно, устраивала скандалы, пыталась Ляльку не отпустить, кричала отцу, что он везет ребенка в логово разврата. Отец, как всегда, усмехался и в дебаты не вступал. А мать это еще больше заводило – она начинала орать дурниной и в голос рыдать.

Но кто на это обращал внимание?

Впереди у Ляльки было одно большое счастье – море, лес, взрослая, веселая компания остроумных людей. Отец будет рядом каждый день, целый месяц. И – полная свобода!

Светик

Светик капризничала. В Ялту не хотела, Сочи надоели, в Юрмале – холодное море. Про дачу и разговора не велось – дачу ей просто не предлагали, хотя дача была неслабая: кирпич, горячая вода, удобства, разумеется, в доме. У Светика, конечно, своя комната. Участок огромный – ели, сосны. Поселок непростой – сплошь артисты, художники и важные деятели вроде Светикова папаши. И компания дачная тоже сложилась – как без нее? Но Светика это все не привлекало, надоело за столько лет. Хотелось новых впечатлений, и она стала

канючить про границу, Болгарию или Чехословакию. В Чехословакии тряпки лучше, но моря нет, а пить со стариками мерзкую водичку из поильника в Карловых Варах ей как-то не светило. Остановились на Болгарии. Отец достал две путевки – ей и матери. Светик зашла к нему вечером в комнату, села на край дивана, чмокнула в гладко выбритую щеку и попыталась объяснить свою проблему. А проблема заключалась, собственно, в матери. Светик объяснила отцу, что ехать за границу с такой «облезлой курицей» ей неловко. Да что там неловко – просто стыдно. Короче говоря, мамашу надо постричь, покрасить и приодеть, чтобы она хотя бы немного соответствовала Светику. Отец вздохнул и согласился. Неохота, конечно, но дочь права. Как всегда.

Зоя

С летними каникулами у Зои было все, собственно, ясно. Полагалось – без всяких там вариантов, а уж тем более обсуждений – ехать с бабушкой в санаторий на все лето. Бабушке были необходимы прогулки, свежий воздух и еще – диетическое питание. Санаторий был организован для старых большевиков и ветеранов партии, контингент весьма пожилой, и это мягко говоря. В общем, скука смертная. Бабушка часами сидела на скамейке и общалась с товарищами по партийной работе. Они вспоминали горячую и бурную молодость, обсуждали болячки, были недовольны питанием и услугой – считали, что им не оказывают должного внимания, писали коллективные жалобы в ЦК партии. Им казалось, что они заслуживают большего. Не зря ведь они положили всю свою жизнь и здоровье на благо социалистической Родины. Бабушку очень уважали, считались с ее мнением. Зоя тихо сидела рядом и читала книжку. В выходные приезжали родители, гуляли с бабушкой и, выслушав ее жалобы и претензии, дружно вздыхали и кивали. Возражать не полагалось. Вечером торопились на электричку – и Зоя видела, с какой тщательно скрываемой радостью они уезжали, и завидовала им. Мать целовала ее и тихо шептала:

– Держись! – И добавляла: – Ну в целом здесь же совсем неплохо! – И гладила Зою по голове. Отец отводил глаза.

В девять вечера бабушка выключала свет – у нее был режим, а Зоя долго не могла уснуть, вздыхала, ворочалась и думала о девчонках, которые весело проводили каникулы на шумных дачах и теплых морях. Потом ей было немного

стыдно за свои мысли, и она засыпала. Наутро надо было рано вставать – в восемь утра у бабушки начиналась первая процедура.

А как хотелось поспать! Ну хотя бы в каникулы!

Шура

Каникулы были еще страшнее, чем учебный год. Так хоть на полдня Шура уходила в школу, а потом можно было поболтаться по улицам, поторчать в «Детском мире», поглазеть на витрины, съесть эскимо. Если есть тридцать копеек, сходить в кино на дневной сеанс. В общем, как-то скоротать время. А в каникулы надо находиться дома. Сбежать труднее. У матери появилась новая «подружка» – уборщица Тоня. Она приходила к обеду, и начиналась пьянка. Мать гоняла Шуру в магазин за закуской – сайрой и колбасой, а Тоня приносила бутылку и соленые грибы, которые ей присылала из деревни сестра. Шура плотно закрывала дверь в свою комнату, но все равно слышала их крики, песни и рыдания. Иногда Тоня обижалась на мать и пыталась уйти. Мать хватала ее за руки и не выпускала, а потом бежала в комнату, хватала какую-нибудь вазу или колечко и совала ей. Тоня гордо – минут пять – отказывалась, а мать умоляла ее остаться. Тоня тяжело вздыхала, скидывала старые, со стесанными каблуками босоножки и делала «большое одолжение» – гордо проходила на кухню с высоко поднятой головой. А мать счастливо смеялась и заискивала перед ней. Тоня, баба деревенская, была на выпивку стойкая, а матери уже надо было совсем немного, и она засыпала прямо на кухонном столе. Тоня шла спать на диван в «залу» и, похоже, неплохо высыпалась.

Однажды Шура не выдержала и поехала к отцу. Ждала его у проходной больницы. Бросилась к нему и, плача, умоляла забрать к себе. Отец отводил глаза, гладил ее по голове и объяснял, что это категорически невозможно. Во-первых, у него однокомнатная квартира, и та принадлежит его жене. У жены трехлетний ребенок. Во-вторых, жена беременна вторым. Короче говоря, совершенно нет никакой возможности. Шура плакала и говорила, что жить так больше невозможно, что она что-нибудь с собой сделает или уйдет из дома, что, в конце концов, он – врач, и надо попробовать, хотя бы попробовать, лечить мать. Шура почти кричала, а отец смущенно оглядывался по сторонам и молчал. Молчал, и это было самое страшное. А потом сказал, что женский алкоголизм

неизлечим, тем более такой стремительный. Да и потом, куда ее отдать? В ЛТП? Так там вообще кромешный ужас. Санитары привязывают больных к кровати и избивают.

Отец вздохнул, закурил и сказал:

- Ты же не можешь ее бросить!

- Но ты же мог! - сказала Шура, развернулась и пошла прочь.

Отец ее не окликнул.

Двор

Кроме школы и, конечно, любимых подруг, Тане было бесконечно жаль уезжать из родного двора. Двор обожали все. Он был и вправду чудесный. Впрочем, в Москве тогда еще были дворы.

Дом, серьезный, кирпичный, как в народе говорили «сталинский», находился в начале большого проспекта, но жителей суэта проезжей части, тогда, впрочем, еще вполне терпимая, и вовсе не касалась. На проспект выходила та часть дома, в которой был расположен проектный институт, а все квартиры располагались в переулке, тихом, зеленом, где почти не было машин. Дом стоял полукругом, буквой С. Вход, он же и въезд, был роскошным: огромные, метров десять в высоту, резные чугунные ворота - точная копия ворот в Парке культуры и отдыха. Первые этажи дома заселены не были - в них располагались различные службы: жилищная контора, сберкасса, парикмахерская, ремонт обуви и булочная, в которой продавались еще теплые бублики, сайки и калорийные булочки с изюмом по десять копеек - румяные, с блестящей коричневой корочкой, посыпанной орешками. Гуляя во дворе, девчонки обязательно забегали в булочную - десять копеек находились почти всегда. Ну а там уж раздолье: кому бублик, кому калач, а кому сладкую булочку.

Внутри двор был отгорожен от проезжей части низкой, тоже чугунной, затейливо резной, крашенной в яркий зеленый цвет оградой. Машин было

наперечет – буквально у нескольких семей, так что по проезжей части спокойно фланировали мамочки с колясками. Во дворе стояли лавочки – деревянные, со спинками, на массивных чугунных «лапах». На лавочках сидели старушки и молодежь, в песочницах и на качелях развлекалась малышня. Дворники активно и любовно озеленяли двор – по всему периметру были клумбы с астрами, календулой и даже с флоксами.

Когда девчонки были совсем маленькими, под кустами желтой акации они закапывали «секретики» – цветная фольга от конфет, цветок, и кусочек стекла сверху придавливал всю эту «красоту». Далее «секретик» присыпался землей и как-то обозначался. Устраивали конкурсы – у кого «композиция» красивее и богаче. Потом было еще одно, весьма странное «увлечение» – находили мертвых голубей или воробьев и торжественно их хоронили. Делали могилку – холмик из земли, украшенный веточками и цветами. Правда, и одно, и другое увлечения быстро прошли.

Еще, конечно, играли в класики, штандер, казаки-разбойники, вышибалы и прятки.

К метро бегать не разрешалось, но, конечно, бегали – за мороженым или пирожками с повидлом, еще теплыми, которые извлекала из высокого металлического ведра, прикрытого крышкой и одеялом, толстая продавщица тетя Галя, в белом переднике и белом платке, надетом поверх вязаной шапки.

Еще у метро галдящие, шумные, пестрые цыганки продавали ярко-красные леденцовые петушки на плохо обструганных деревянных палочках, но покупать эту красоту девчонкам строго воспрещалось. Говорили, что эти леденцы красят обычной акварельной краской. Да и самих цыганок девчонки побаивались.

В общем, во дворе была жизнь – прекрасная и увлекательная, расставаться с которой, конечно же, совсем не хотелось.

Кстати, в новом доме, куда должна была переехать Танина семья, двора не было. Не было – и все.

Таня

Четверть Таня окончила без троек. По русскому и литературе – любимым предметам, конечно же, – твердые пятерки. В доме уже было все почти готово к переезду – на полу стояли тюки и чемоданы. Мама и бабушка нервничали, Женечка крутилась под ногами и всем мешала. Таня собирала Женечкины игрушки. Вечером вышла во двор. На скамейке сидели Верка и Лялька, молчали. Таня так же молча села рядом, потом решительно сказала:

– Ну что я, на Северный полюс, что ли, уезжаю? Или в Америку? Или помирать собралась? Буду приезжать к вам каждую неделю. И вы ко мне.

– Это все равно все не то, – отозвалась Лялька. – Как прежде, уже не будет.

У Тани на глазах выступили слезы.

– Оставь ее, – велела Верка. – Ей сейчас тяжелее, чем нам.

Они опять замолчали.

В субботу к подъезду подъехала грузовая машина. Грузчики стали выносить вещи. Таня, прислонившись к окну лбом, смотрела на школу, двор и народ во дворе. Потом она взяла Женечку на руки и спустилась на улицу. У подъезда стояли притихшие Верка и Лялька, чуть поодаль – Светик, внимательно следившая за вещами, которые выносили грузчики из квартиры. На ее лице была гримаса разочарования.

Таня подошла к девочкам, они обнялись. Таня и Лялька разревелись. Верка отвела в сторону глаза, хлюпнула носом и твердо сказала:

– Ну ладно, хорош сопли распускать. Не на войну провожаем. И вообще, впереди каникулы. Давай, Танюха, готовь новоселье! Подъедем!

Верка и Лялька начали тискать и целовать Женечку, Таня махнула рукой Светику.

– Что грустишь? – спросила та. – Не понимаю. Жить будете, как люди, в отдельной квартире.

Таня кивнула. Из подъезда выбежала Шура и, косолапя, неуклюже подбежала к девочкам.

- Пока, Шурыга, - сказала Таня. - Все будет хорошо.

Шура пожала плечами и обняла Таню.

С балкона Зоя махнула Тане рукой и крикнула:

- Пока!

Таня села в машину, Женечку она посадила на колени и уткнулась в ее теплый, пахнущий детским мылом затылок.

Двинулись.

Всю дорогу Таня проплакала.

Верка

Танин отъезд отвлек Верку, которой казалось, что она сходит с ума. Боже мой! Хороша кандидатка в мачехи - Зина-поломойка! Нет, Верка уважала любой труд, и Зину ей было, как ни странно, искренне жаль. Зла она была только на Гарри.

- Старый идиот, - вслух говорила она, меряя шагами комнату. - Просто выживший из ума идиот. Последняя стадия старческого слабоумия. Гнусный старый сластолюбец. Фу, противно!

Первый раз она презирала и ненавидела отца. Отцу, к слову сказать, было тогда тридцать девять лет - это к вопросу о старческом слабоумии.

Но в целом Верка, конечно, была абсолютно права. Сколько прекрасных женщин пытались обаять известного адвоката! Молодых, красивых, образованных!

Стройных и прелестных модниц! Она, конечно, понимала, что отцу нужна женщина. Но не такая же, прости господи! А он... В общем, наделал дел. Ему еще повезло, что в данный момент он находился в командировке в Киеве – не попал Верке под горячую руку! Но все еще впереди! Она такое ему устроит – мама не горюй! Уж не сомневайтесь. Однако было так горько и стыдно, что даже Тане и Ляльке она об этом не рассказала.

Гарри появился через три дня. Верка услышала, как он открывает входную дверь, и выбежала в коридор. Увидев дочь, заулыбался, протянул к ней руки. Верка отступила назад, прищурила глаза, уперла руки в боки.

– Ну что! – выкрикнула она. – Вас можно поздравить с приближающимся отцовством? С большой радостью, так сказать? Закупаем пеленки и распашонки? Коляску и кроватку? И что там еще? А, да – ведем молодую в загс, заказываем ресторан и белое платье? Составляем список гостей? Будем бегать на молочную кухню? На меня, кстати, можешь не рассчитывать. И вообще, чтобы не мешать, так сказать, молодым, я скорее всего уеду в Ленинград к Эммочке. Надеюсь, она меня не выгонит! Так что пошла собирать вещички.

Гарри не отвечал – спокойно снимал плащ, расшнуровывал ботинки и развязывал перед зеркалом галстук. Потом он посмотрел на Верку и сказал:

– Да, кстати, вещички можешь собирать. Путевки я получу в понедельник. В «Актер», разумеется. Через неделю улетаем. Надеюсь, против самолета ты не возражаешь? Что в поезде трястись? – Он вздохнул и улыбнулся.

Верка стояла ошарашенная.

– А как же?.. – тихо спросила она.

– А, ты об этом? – спокойно сказал Гарри и провел расческой по густым волосам. – А что, собственно, меняется? Ничего такого не случилось. Хочет – пусть рождает. Это дело добровольное. Да и пора – сколько ей лет? Двадцать восемь? Тридцать? Самое время. Комната у нее есть, а деньгами поможем. Ну не подонок же я, в конце концов. На тебе, кстати, это никак не отразится, и жизнь твоя не изменится, так что не беспокойся. Да, и купи, не забудь, себе новый купальник. Молодежи будет в этом году полно. – Он прошел на кухню и крикнул оттуда: – Дочь! Свари-ка кофейку! Мне еще полночи работать.

Верка зашла на кухню и внимательно посмотрела на отца.

- То есть ты считаешь, что ничего не произошло? - спросила она.

Он пожал плечами:

- Ничего такого, что могло бы изменить нашу с тобой жизнь.

Верка достала из кухонного шкафа джезву, положила четыре чайные ложки кофе - Гарри любил покрепче.

Через две недели улетели в Сочи. В чемодане лежали новые сарафан и купальник. Верка старалась ни о чем не думать и отцу вопросы не задавала, а у Гарри было раскрепощенное настроение, как будто ничего не произошло. Ну ровным счетом ничего. Жизнь продолжалась в прежнем режиме. Гарри был, как всегда, душой компании - анекдоты, каламбуры, прибаутки. Все - на высшем уровне, тонко и остроумно. Вокруг него крутился целый хоровод баб - от двадцати до семидесяти. Он расточал комплименты и целовал ручки. «И как его угораздило? - недоумевала Верка. - Просто нонсенс, ей-богу. - Ну, и черт с ним, - решила она. - Мое какое дело? Пусть сам разбирается».

У Верки тоже наметился романчик - с сыном известного режиссера. Мальчик был капризный, но образованный и симпатичный. Строил из себя утомленного и умудренного жизнью. Этаким Печорин. Но Верке он нравился и к тому же классно целовался. Она жила в свободном режиме - у нее своя компания, у Гарри своя. Он закрутил роман с одной довольно знаменитой театральной актрисой. Она была не из «юных див», разумная и рассудительная. Верка почти успокоилась. Конечно, когда она вспоминала про Зину, на душе становилось противно. Но в целом все было замечательно - теплое море, фрукты, вкусный кофе в кафешке на набережной, интересная публика. А еще мужские взгляды и сладкие поцелуи. Думать о Москве не хотелось.

Лялька

В Таллин ехали на поезде. На перроне собралась вся честная компания – с рюкзаками и гитарами. Почти перед отправлением отец заметно занервничал, но тут к вагону подбежала высокая молодая женщина с распущенными длинными рыжими волосами и огромными, в пол-лица, черными глазами. Лялька видела, как отец облегченно вздохнул и покачал головой. Все загрузились в купе. Рыжая – ее звали Аллой – расположилась в купе с Лялькой, Полей и Ритой – подружкой Лео. Гриша, судя по всему, был соло. Мужчины расположились в соседнем купе. К вечеру женщины накрыли ужин. Поля, золотая душа, обняла немного смущенную Ляльку, с некоторым испугом поглядывающую на рыжую Аллу, и шепнула:

– Все будет хорошо, не волнуйся!

Потом из огромной сумки Поля достала пирожки, запеченную курицу, кастрюлю винегрета и миску с вареной картошкой. Рита тоже распотрошила свою сумку и выложила котлеты и соленые огурцы. А вот Алла растерянно хлопала глазищами и извинялась, что ничего с собой не взяла.

– Не успела, – смущенно оправдывалась она. – Только-только хватило времени собрать вещи.

– Ничего, – успокаивала ее Поля. – Еды на всех хватит.

«Да, – подумала Лялька. – Папаше опять, похоже, не повезло. Пусть эта Алла и вправду красавица, но россомаха еще, видно, та. Не Поля, одним словом. Положиться на нее можно едва ли. Хотя, конечно, эффектная. И вроде бы невредная».

Ужинали шумно и весело – с коньячком и гитарой. Запевал Митя, а остальные подхватывали. Спать легли поздно – Поля с трудом выгнала мужчин из «женского» купе. В Таллин прибыли рано утром и сразу, не посмотрев город – Лялька расстроилась до слез, – пересели в маленький «пазик», который должен был их отвезти до места. Алла села рядом с отцом. Лялька видела, как она взяла его за руку. Отец обернулся к Ляльке и подмигнул ей. Лялька отвернулась к окну. Ехали долго, часа три. До самого острова добирались моторной лодкой – по очереди.

Остров оказался сказочным – узкая пляжная полоса с седым мельчайшим песком. Прозрачный сосновый бор. Вдоль берега – низко стелющиеся кусты цветущего красного шиповника, огромные, отполированные морем и временем валуны. И абсолютная, звенящая тишина. Запах хвои и смолы. Никакой цивилизации и близко не видно. Но отец сказал, что на другом конце острова есть небольшой рыбацкий поселок, в шесть домов. Жители держат скотину и кур, так что свежее молоко, масло, сметана и яйца обеспечены. А вкуса все это – необыкновенного. Сметану можно резать ножом.

Начали устраиваться – ставить палатки, полевую кухню, туалет. Поля и Рита пошли в поселок за картошкой, овощами и молочными прелестями. Лялька разбирала на кухне посуду. Алла сидела на берегу, покусывала травинку и пропускала через ладонь мелкий песок. «Хорошие дела, – подумала Лялька. – Вот ведь цаца. И нахалка к тому же. Ну почему отцу так не везет?»

А потом начался отдых. Митя с Полей жили в одной палатке, Лео с Ритой – в другой. Отец разместился с одиноким и посему грустным Гришей, а Лялька оказалась в одной палатке с рыжей Аллой. Отец по-прежнему делал вид, что к Алле он не имеет никакого отношения. Стеснялся. Но, конечно, Лялька видела, как они вдвоем уходят в лес и целуются, купаясь в море. В хозяйстве Алла участия не принимала. В основном спала, загорала и пила литрами кофе. Легкий прибалтийский загар, надо сказать, ее необыкновенно украшал. Умница Поля не роптала – святой человек. Рита тяжело вздыхала и качала головой. Но при Ляльке они Аллу не обсуждали.

А в остальном все складывалось замечательно. Мужчины ловили и коптили рыбу – янтарная салака, истекающая жиром, была превосходна. А огромные, бледные, но сладчайшие помидоры, выросшие на белоснежном мельчайшем песке? А мелкая, рассыпчатая картошка? А соленая балтийская килечка пряного посола, купленная в сельпо? Купались, ходили в лес за грибами и черникой. Вечером у костра пели песни под гитару и говорили о жизни. Все хотели уехать, эмигрировать из Страны Советов. Лялька сжималась, слушая эти антисоветские разговоры – не от самих разговоров, нет, девочка она была разумная. Просто она боялась, что отец соберется и уедет с рыжей ленивицей Аллой и бросит на произвол судьбы ее, Ляльку. Обсуждали, куда кому податься. Митя говорил, что хотел бы оказаться в Германии – ведь там такой уровень медицины! Лео утверждал, что ему все равно. «Хоть в Монголию», – шутил он. Рита грустно молчала и опускала глаза – она понимала, что Лео вряд ли возьмет ее с собой. Он повторял, что устраиваться и выживать ТАМ на первых порах проще одному.

С Гришей было все понятно. В Израиле у него давно и небедно жила родная сестра. Лялькин отец мечтал об Америке. Говорил, что это страна неограниченных возможностей. Алла загадочно улыбалась и гладила отца по руке. Лялька отводила глаза. Поля, умница Поля, видя Лялькины страдания, шепнула ей:

- Не психуй! Отец тебя любит до смерти. Разве он тебя оставит?

- А мама? - спросила Лялька и разревелась.

Светик

Светик летела на самолете болгарской авиакомпании. Маман, постриженная и подкрашенная, одетая в новый костюм и новые туфли, сидела с испуганным лицом и вытянутой в струнку спиной. Самолетов она панически боялась. Светик фыркала и отворачивалась к окну. После вкусного обеда она открыла журнал «Юность». Мать прикрыла глаза, пытаясь уснуть. Когда начали приземляться, она до боли сжала руку дочери. Светик скривилась и руку выдернула.

Потом их рассадили по автобусам и повезли на место, к морю. Ехали и смотрели по сторонам. Все было интересно - небольшие, чистенькие деревушки с аккуратными белыми домиками, покрытыми яркими черепичными крышами. Невысокие горы, поросшие густыми изумрудными лесами. Колокольни церквей. Ровные ленты дорог.

- А ведь тоже социализм, - вздохнула мама.

Светик грубо ответила:

- Ну можно подумать, у тебя жизнь плохая! Квартира отдельная. Дача, на которую тебя возит водитель, а не электричка. Холодильник доверху забит. За мясом в очереди не стоишь - на рынок ходишь за парным. Вот, за границу сейчас приехала. Не на шести сотках все лето жопой кверху. И все тебе жизнь плохая!

Мать пристыженно молчала, а Светик подумала: «И вправду – аккуратно, чисто, ухоженно. И это – всего лишь какая-то вшивая Болгария. А что же там, далеко, в «настоящей загранице»?»

Гостиница была новая, в двенадцать этажей. Номер уютный – две кровати, телевизор, душ, туалет. Большой балкон с видом на море. Переоделись и пошли на пляж. На пляже тоже сплошь культура – шезлонги, яркие зонтики от солнца, будочки с напитками, пивом и мороженым. Море теплое, песок чистый. Везде слышится иностранная речь – немецкая, польская. Приехали погреться – своих теплых морей у них нет.

Светик огляделась – молодежи полно. Играют в волейбол, бадминтон. Русские дуются в карты, попивают пиво. Светик улыбнулась – классная жизнь! Маман загорала. Светик встала у волейбольной сетки. Мяч ей пассанул высокий и жилистый парень, яркий блондин с цепочкой на шее и в малиновых плавках. Он улыбнулся Светику, и она почему-то смутилась.

Уходить с пляжа не хотелось – белобрысый поляк по имени Янек расположился недалеко от Светика прямо на песке и бросал на нее недвусмысленные взгляды. Но наступило время обеда. Светик неохотно поднялась, накинула сарафан, и они с маман двинулись. Светик обернулась – Янек помахал ей. Маман с тревогой посмотрела на дочь. После обеда пошли в номер – на пляже оставаться было опасно, слишком жарко. Светик лежала на кровати и думала про Янека. Маман похрапывала. Вечером были танцы, здесь это называлось «дискотэка». Светик надела джинсы и шелковую желтую блузку, распустила волосы и подкрасила ресницы – чуть-чуть, подслеповатая маман этого не заметила. Она с тревогой смотрела на дочь и пыталась за ней увязаться. Наткнулась, естественно, на скандал. Расплакалась и осталась в номере.

– Смотри телевизор, – строго велела ей Светик.

Мать покорно кивнула. На танцах уже всю разгоралось веселье. Ансамбль играл битлов – «Желтую субмарину» и нежную «Мишель». Светик оглянулась и увидела Янека. Он обрадованно бросился к ней. Протанцевали шесть танцев подряд, потом Янек предложил ей прогуляться. Он прекрасно говорил по-русски, в Польше его учили в школе как обязательный язык. Они прошлись по берегу моря и сели в шезлонг. Янек обнял Светика и поцеловал, она закрыла глаза. Янек расстегнул пуговицы на желтой блузке и дотронулся до Светиковой груди. Она чувствовала, как кожа покрылась пупырышками. Он осторожно спустил

рукава блузки, и Светик предстала перед ним во всей красе. Ну, почти во всей. Он нежно целовал ее маленькую грудь и гладил острые и темные соски. Светик опрокинулась на шезлонг и не открывала глаз. Но, когда Янек попытался расстегнуть пуговицы на джинсах, она пришла в себя – словно очнулась, скинула его руку и принялась торопливо застегивать блузку. Руки тряслись. Она вскочила с шезлонга и возмущенно бросила ему:

– Ну, знаешь. Меру надо знать! – И, набирая в босоножки песок, быстро пошла с пляжа.

Он нагнал ее и, улыбаясь, встал перед ней на колени. Она обошла его и пошла к корпусу. Янек за ней не бросился.

Светик зашла в номер и разревелась. Мать испуганно вскочила с кровати.

– Что, что случилось? – заверещала она.

– Отстань! – грубо бросила Светик и пошла в душ. Нарыдавшись там по полной, она юркнула под одеяло. Мать подошла, присела на край кровати – Светик резко отвернулась к стене. Мать попыталась погладить ее по голове – Светик резко сбросила ее руку.

Переживала Светик совершенно напрасно. Назавтра на пляже было все как всегда. Янек подошел к ней и пригласил играть в волейбол, потом купил ей сладкую вату и фанту, поинтересовался, пойдет ли она вечером на «дискотэку». Маман смотрела на нее взглядом, полным тихого ужаса, а Светик была счастлива. В общем, то, что не случилось вечером на пляже, произошло там же ровно через три дня. Светику это мероприятие не то чтобы понравилось, но она почувствовала себя взрослой женщиной – таинственной и прекрасной. Она подолгу рассматривала себя в зеркало и находила вдруг внезапно появившуюся загадочность во взгляде. Ей казалось, что и без того сочные и яркие губы стали еще ярче и сочнее, волосы – более блестящими и послушными, кожа – гладкой, движения – плавными. Теперь она носила в себе никому не ведомую тайну. Словом, не Светик, а одна сплошная загадка.

Маман почти смирилась, что у дочери роман. Главное – чтобы отец об этом не узнал. Она просила Светика быть осторожней, а та вскидывала брови и говорила матери, что не понимает ее намеков. Мать вздыхала и шла на набережную –

гулять. Ведь, право слово, неразумно – впервые оказаться за границей и все время страдать. Она немного успокоилась и решила получать удовольствие от жизни – никаких кастрюль, пылесосов и магазинов: море, пляж, запах роз на набережной и вкуснейший кофе в маленькой кафешке. Очень хотелось пирожное, но она себя останавливала – экономила, ведь придется еще отчитываться перед мужем.

Отдых неумолимо приближался к концу. Светик побоялась дать возлюбленному домашний адрес – понимала, что отец этому рад не будет. Договорились, что писать он ей будет «до востребования», а она ему – пожалуйста, ради бога. В последний вечер перед ее отъездом не могли расстаться. Гуляли до рассвета. Светик заявила в отель под утро. Мать посмотрела на нее с тревогой, боясь задать вопрос. Светик широко зевнула, отвернулась к стенке и моментально уснула. Маман начала собирать чемодан. Тихо-тихо, чтобы не разбудить дочь. В двенадцать дня за ними должен был приехать автобус и отвезти в аэропорт.

Зоя

Через три недели Зоя, к своему великому стыду, почти возненавидела всю эту «богадельню». Смыться от бабули и ее подружек было почти невозможно. Бабушка очень гордилась своей компаньонкой – все старики сами по себе, а она под ручку с внучкой. Внучка терпелива, послушна и прекрасно воспитана: водит бабулю на все процедуры, терпеливо ждет у кабинетов, перед сном прогуливается с ней по сосновой аллее, читает ей вслух свежие газеты. В общем, бабуля была довольна, а это главное. Зоя стискивала зубы и мило улыбалась бабулиным подружкам: бабуля и здесь оставалась лидером и непререкаемым авторитетом, ее благоговейно слушали, поддакивая. Когда бабуля отдыхала днем, у Зои наконец появлялась возможность сбегать на речку искупаться. Там она часто встречала массажиста из санатория – тридцатилетнего, высокого и красивого, с фигурой пловца, мужчину. Зоя смотрела на него с замиранием сердца. Таких чувств она не испытывала даже к школьному физруку. «Странно, – думала Зоя. – Оказывается, мужчины мне нравятся совсем не за интеллект». Ее это заключение очень удивило и расстроило. Однажды массажист обратился к ней с каким-то пустяковым вопросом. Они познакомились. Он сказал, что у нее сколиоз – искривление позвоночника, – и предложил делать массаж. Зоя растерялась, поблагодарила и обещала подумать.

Бабушке она поведала, что у нее здорово болит спина. Та слегка оторвалась от своих проблем и пошла с внучкой к врачу, который подтвердил диагноз и назначил курс массажа и занятия лечебной физкультурой. Зоя разволновалась – она вспомнила, какое у нее нижнее белье: сатиновый серый лифчик и простые трикотажные трико. Почти старушечьи. Неловко раздеться. Но выхода не было. Назавтра она отправилась на процедуры. Сидела перед кабинетом красавца массажиста и дрожала как осиновый лист. Наконец зашла в кабинет, разделась за ширмой, легла на стол.

– Расстегните бюстгальтер, – строго сказал он.

Зоя лежала на животе и думала: как хорошо, что он не видит ее горящего от стыда и смущения лица. Он начал делать массаж – плавно не резко. Зоя застонала.

– Больно? – испугался он.

– Чуть-чуть, – тихо пролепетала Зоя.

– Ну, я же говорил – сколиоз, – удовлетворенно отметил массажист.

Ночью Зое снился странный сон – массажист, учитель физкультуры Геннадий Романович и сосед по подъезду Мишка, грузчик из соседнего магазина, громко спорили, кто будет первым делать Зое массаж. Кинули монетку. Выиграл Мишка. Зоя расстроилась и заплакала. Бабушка включила свет и тревожно позвала:

– Зоя, что с тобой?

Зоя открыла глаза и сказала, что ей приснился кошмар.

– Очень плотно ужинаешь, – строго заключила бабуля, – с завтрашнего дня на ночь никакого мяса, никаких котлет. Только винегрет, тертая морковь и творог. – Она выключила свет и через минуту захрапела.

Зоя долго лежала с открытыми глазами и смотрела на темный потолок. На улице горел фонарь, и на потолке, словно водоросли, плавно качались тени деревьев. Ей было страшно и почему-то очень стыдно. В эти минуты она презирала и

ненавидела себя. На массаж она решила больше не ходить.

И вообще – скорее бы закончилось это дурацкое лето!

Шура

Шура тоже мечтала, чтобы лето закончилось. Скорее в школу! Еще, правда, была мысль съездить в деревню к тетке Рае, хотя бы на неделю, прийти в себя от всего этого ужаса. Тетка была двоюродной сестрой матери. В деревне у нее был крепкий дом и большое хозяйство. Надо только забрать у матери алименты: тетка Рая любила подарки. А с матерью ничего не будет – как пила, так и будет пить. Все одно. Отцу Шура больше решила не звонить. Алименты – восемнадцать рублей – он высылал по почте. Мать эти деньги пропивала за несколько дней. Однажды мать уличила подружку и собутыльницу Тоню в краже. Та, уверенная, что хозяйка спит, шуровала по шкафам. На полу стояла большая дерматиновая сумка. Протрезвевшая мать вытряхнула содержимое сумки на пол: норковую шапку, песцовый воротник, шелковую скатерть и набор мельхиоровых ложек. Мать вцепилась Тоньке в волосы. Здоровая деревенская баба толкнула мать, и та упала на пол, ударившись головой об угол стола. Тонька деловито уложила выкинутое на пол обратно в сумку и, плюнув в сторону матери, гордо удалилась, сильно хлопнув входной дверью. С потолка посыпалась штукатурка, и в коридоре упала вешалка.

Когда Шура пришла домой, мать лежала на полу и стонала. На волосах у нее была запекшаяся кровь. Шура оттащила ее на диван и вызвала «Скорую». Приехала хмурая, мужеподобная врачиха. Повела носом:

– Пьющая?

Шура кивнула.

– Надо в больницу, – сказала врачиха. – Вдруг сотрясение? – И, глядя на Шуру, вздохнула: – Бедная ты девочка.

Мать увезли в больницу. Шура даже не поняла, сколько времени она в оцепенении просидела на диване – час или два. Придя в себя, начала уборку – содрала с кровати грязное белье, собрала пустые бутылки, помыла посуду, полы, выгребла из холодильника засохший сыр и колбасу. Сварила матери в больницу бульон и кисель. Поздно ночью легла спать. Какая деревня? Какой отдых? Смешно, ей-богу!

Последние каникулы

Лето неумолимо подходило к концу. Пролетело, как всегда, только глазом успели моргнуть. Июнь и июль Таня проболталась в новом районе. Ходила с Женечкой в рощу, в кино. В старый двор ехать не было никакого смысла – ни Верки, ни Ляльки в Москве не было. Один раз приехал Вовка Гурьянов. Как нашел Таню – непонятно. Погуляли, потрепались, хотя, общих тем для разговоров было, конечно, немного. Сели на лавочку. Вовка попытался Таню приобнять, но она скинула его руку и попросила больше не приезжать. Мама, конечно, Таню пожалела – последнее лето перед экзаменами – выпускными и вступительными. Что девочке в городе все лето болтаться? Договорилась с подружкой тетей Любой, у которой была прекрасная дача в Валентиновке, и отвезла туда Таню в начале августа. В Валентиновке было замечательно. У тети-Любиного сына Борьки, Таниного ровесника, имелась компания – человек пятнадцать. Всей этой «хиврой» ездили на велосипедах на речку, ходили в лес, а вечерами устраивали костер на поляне или, если шел дождь, собирались у кого-нибудь на веранде и играли в кинга. У Тани закрутился роман с Митей Колосовым – он в компашке был старше всех, учился на втором курсе медицинского. Рассказывал смешные докторские байки и ужасы про анатомичку. Таня с Митей старались уединиться – потихоньку сбегали с общественных мероприятий. Целовались до одури и все никак не могли расстаться – часами стояли у тети-Любиной калитки. Тетя Люба нервничала и звала Таню домой. А домой совсем не хотелось. Ночью Таня плакала – от разлуки с Митей, оттого, что придется идти в новую школу. И телефон в новой квартире поставят не скоро – даже не поболтаешь с Лялькой и Веркой. Одним словом, грустно.

Верка приехала в Москву – загорелая до неприличия. «Просто мулатка», – смеялся Гарри. «Печорин» ни разу не позвонил. Ну и черт с ним – не больно-то и надо. Верка совсем не горевала. Ждала с нетерпением Ляльку – соскучилась. Надо же все обсудить! Столько событий! И еще – съездить к Тане. Как грустно,

что любимая подружка переехала. Какая была троица! Ведь никогда не ссорились, понимали друг друга с полуслова, и никакой ревности, сплетен и интриг. Разве такое часто бывает в девчачьей дружбе?

Лялька приехала на неделю позже. Молчаливая и загадочная. Верка удивилась – на Ляльку это было совсем не похоже. Вскоре стало понятно, в чем дело. Лялька рассказала Верке, что влюбилась в отцовского друга Гришу. Да нет, конечно же, ничего не было. Даже не целовались. Гриша взрослый и умный мужик. Но Ляльке показалось, что он смотрит на нее с интересом. Даже однажды вздохнул и грустно сказал:

– Эх, где мои семнадцать лет! – И, шутя, попросил: – Подрастай, девочка, поскорее.

Лялька стала красная, как помидор, а отец пригрозил Грише, не стесняясь ее:

– Ну ты и старый мудак! Только попробуй!

Все переглянулись и рассмеялись. Только Поля тревожно посмотрела на Ляльку и вздохнула. Знала, что Гриша за фрукт.

На вокзале, уже совсем не стесняясь Ляльки, рыжая Алла повисла на отце, целовала и гладила его по лицу. Лялька взяла свой рюкзак и пошла вперед. Рыжая Алла ей по-прежнему совершенно не нравилась. Она рассказала об этом Верке, а та тяжело вздохнула и опустила глаза.

– А у меня совсем труба, – сказала она. И поведала подруге о беременной Зине. Лялька охнула и по-бабьи закрыла рот рукой.

Зина ходила по двору с метлой, тяжело переваливаясь, как утка. Живот у нее был уже довольно внушительный. При встрече с ней Верка опускала глаза и пыталась обойти ее стороной. Однажды столкнулись в булочной – нос к носу. Глаза у Зины были как у больной коровы. Верка выскочила из булочной и почему-то побежала.

Светик приехала из Болгарии. В коридоре на вешалке висела новая дубленка – светло-бежевая, с нежной цигейкой по воротнику и рукавам. Убирать ее в шкаф

Светик не велела – проходила мимо и щупала замшу и нежный мех. Она тосковала по Янеку, смотрела на его фотографию и плакала. Бегала на почту и ждала его писем. Писем не было. А через три недели Светик поняла, что беременна. Девочкой она была образованной и понятливой. Такие вот дела.

Зоя была счастлива – пытка кончилась, они с бабулей вернулись в Москву. Отдохнувшая и посвежевшая, бабуля села за очередные воспоминания. Однажды Зоя услышала, как папа тихо пошутил, назвав бабулины мемуары «Я в жизни Крупской» и «Мой вклад в развитие мировой революции». Мама приглушенно засмеялась. Зоя сильно удивилась – бабулин авторитет был слегка подорван. И еще это означало, что к бабулиной деятельности родители, оказывается, относятся весьма снисходительно и с юмором. Это было открытием.

Шура ездила в больницу к матери каждый день, возила бульон и кисель. Мать почти ничего не ела – так, пару ложек. Была она в каком-то забытии, полусне. Рук не поднимала – Шура кормила ее из поильника. Угол материного рта был открыт и перекошен. Врач сказал, что это инсульт. Мать не разговаривала – только тихо мычала. Лежала с закрытыми глазами, и по лицу текли слезы. Шура держала ее за руку и плакала. Врачиха объяснила Шуре, что мать вряд ли поднимется. А если такое чудо случится, то точно не скоро. Нужен уход.

– Тебе же в школу надо, – вздохнула врачиха. – Кто-нибудь есть из подруг, родни?

– Какие подруги? – усмехнулась Шура, вспомнив Тоньку. – А из родни... – Она задумалась. – Есть у матери двоюродная сестра в деревне, но у нее дом, хозяйство. Вряд ли она согласится приехать.

– А ты узнай, – предложила врачиха. – Напиши ей. – И, погладив Шуру по голове, проговорила: – Тяжелая у тебя судьба, девочка. Впрочем, у каждого она своя. Все испивают свою чашу. – Она махнула рукой и быстро пошла вниз по лестнице.

А Шура растерянно смотрела ей вслед и совсем не понимала, что делать, как жить дальше.

Таня

Первого сентября Таня пошла в новую школу. В классе ее разглядывали с интересом: что за штучка? Ей же не нравились ни одноклассники, ни учителя, ни сама школа: длинные коридоры, блестящий линолеум, огромные окна и пустырь под окном казались холодными и бездушными. Весь день она проплакала, а назавтра, сбежав с двух уроков, наврав что-то про врача и поликлинику, поехала в старую школу. Влетела в класс к концу последнего урока. Шла литература. Все повскакали со своих мест и бросились к ней. Русичка Елена Осиповна всплеснула руками:

- Танюша!

Таня подошла к ней и обняла за круглые, толстые плечи. Урок, конечно, прервался. Все галдели и перекрикивали друг друга. Верка разревелась, Лялька хлюпала носом.

- Возвращайся! - сказал Ванька Киселев. - Нам тоже без тебя не фонтан.

Таня покачала головой - родители не разрешат, ведь ехать через весь город.

Прозвенел звонок. Все высыпали в коридор. Таня пошла в учительскую - повидаться с учителями. Потом сидели в буфете и пили чай с пончиками, смеялись, перебивали друг друга.

Она подумала, что это и есть ее родной дом и родные люди. И еще подумала, что к новой школе она ни за что не привыкнет. Ни за что. Да просто потому, что у нее нет на это ни малейшего желания.

К концу первой четверти Таня попала в разряд самых заядлых троечников. Даже по любимым предметам. Учиться ей было совсем неинтересно. Женечка пошла в новый сад. Утром выходили вместе, Таня крепко держала сестру за руку.

Теперь в доме часто, почти каждые выходные, собирались гости. Мама гордилась новой квартирой и красивым ремонтом. Бабушка пекла свой знаменитый «Наполеон» с клюквой и рулет с маком, запекала мясо в горшочках, с картошкой и белыми грибами, делала сациви, холодец - дом считался

хлебосольным, и все с нескрываемым удовольствием ели и нахваливали щедрые угощения. Компания у родителей была веселой – все наперебой остроумничали, играли на гитаре, пели песни. Таня любила эти шумные сборища – они отвлекали ее от грустных мыслей.

В новой школе у нее не появилось подруг – так, общалась по надобности – и каждое воскресенье ездила в старый двор, к Ляльке и Верке. Это и было счастьем. Конечно, обсуждали все проблемы – и о Зине говорили, и о любовнице Лялькиного отца рыжей Алле, и о бедной Шурыге – вот уж кому достается. Делились своими любовными историями. Привирали, конечно, слегка – чтобы было интереснее. Сидели в любимом дворе на лавочке, гуляли по району, обедали у Верки – Гарри, как всегда, отсутствовал. Впрочем, какое там обедали! Покупали кальмары в банке, шпроты, маринованные огурцы, пирожки у метро, пили кофе с пирожными и важно покуривали. Потом девчонки провожали Таню до метро и никак не могли расстаться. Таня ехала домой и плакала. Грустно.

Верка

О «Печорине» Верка совсем не вспоминала – много чести. Теперь ей нравился Вовка Гурьянов, и от этого было как-то странно и неловко. Вовка же по-прежнему был преданно влюблен в Таню. Тане Верка о своем странном увлечении не рассказала, а с Лялькой поделилась. Та ее нисколько не осудила – подумаешь! Да и Тане на него глубоко наплевать. Этим Лялька успокоила Веркину душу, сняла сомнения, хотя и скривилась – Вовка шпана, учится в каком-то ПТУ, в общем, не их поля ягода. Верка, несомненно, достойна лучшего. Вовка приходил к ним во двор и вызывал Верку свистом. Они стояли в подъезде, и Вовка жалился ей на свои страдания и безответную любовь. Скрепя сердце Верка его жалела. Однажды пригласила к себе – попить чаю. Чай пили недолго – дольше целовались на диване. Дошли почти до самого края, но вовремя остановились. А ночью Верка вспоминала смуглое и мускулистое Вовкино тело, умелые и неожиданно нежные руки, запах табака и горьковатого, мужского пота. Она понимала, что пропадает и скоро пропадет совсем, но это ее ничуть не пугало. Даже странно. Больше пугало то, что надо было объясниться с Таней. Ерунда, конечно. Но неприятно.

Зина родила мальчика. Гордо толкала пузом коляску и с испугом оглядывалась по сторонам. Для нее, деревенской девахи, главным было общественное мнение. Но про отца ребенка она не распространялась – и на том спасибо. Верка относилась ей деньги, которые Гарри каждый месяц молча оставлял на комод в коридоре. Верка передавала деньги в дверях, Зина брала и тяжело вздыхала. Однажды спросила:

– Не хочешь посмотреть на брата?

От слова «брат» Верка дернулась. Зина пошла в комнату и вынесла ребенка. Мальчик был светловолосый, голубоглазый, с носом-картошиной. В общем, вылитая Зина. И Верке почему-то стало легче. «А может, – подумала она, – и не отцовский отпрыск вовсе? У нас в семье все черноволосые и смуглые». Вслух сказала:

– Хороший ребенок.

Зина чмокнула малыша и улыбнулась:

– Хорошо бы в папку пошел. Умом, – добавила она.

Верка попыталась улыбнуться, но получилась жалкая гримаса, и она побежала вниз по лестнице. На улице отдышалась – уф! Ну и миссия у нее. Врагу не пожелаешь.

Но скоро – слава богу – все закончилось. Приехала Зинина мать и увезла ее в деревню. Верке она оставила адрес, и раз в месяц та отправляла по этому адресу деньги.

Гарри ребенка так и не увидел. Верка его пыталась не осуждать. Он отшучивался – подумаешь, несчастный случай! «Болван», – сердилась на него Верка. Но когда Зина укатила в деревню, она испытала огромное облегчение. Просто гора с плеч!

А у Гарри тем временем расцветал буйным цветом очередной роман, с теледикторшей, между прочим. Та была красотка – глаз не оторвать. В общем, все вошло в свою колею.

Естественно, итог «невинных» развлечений с Вовкой имел свое логическое завершение. Вовка оказался неожиданно умелым и нежным любовником. Верке очень понравился этот процесс, и кувыркались они в постели ежедневно. Она уже не испытывала мук совести – к Тане у Вовки была детская, платоническая влюбленность, а с Веркой у них – роман. Все по-взрослому, все серьезно.

Гарри ни о чем, ясное дело, не догадывался – жил своей жизнью. Правда, пытался Верку воспитывать – скоро экзамены, институт, но получалось у него неубедительно – воспитатель из него был никакой. Да Верка особенно и не нервничала – во-первых, была вся в любви, а во-вторых, знала, что отец ее обязательно подстрахует. У кого, как не у него, в МГУ на юридическом все схвачено, в приемной комиссии – его коллеги и друзья. Так что можно отдаваться пылкой страсти дальше.

С Таней, кстати, она объяснилась. Та очень удивилась, рассмеялась и пожелала Верке удачи и удовольствия в интимной жизни. Хотя добавила – не без того, – что выбором подруги ошарашена. Где Верка и где Гурьянов! Типичный мезальянс. Видно, зов плоти перевесил разум. Подколола все-таки. Но точно – не обиделась.

Лялька

Отец исчезал все чаще – почти совсем не ночевал дома. Видно, эта Алла его здорово зацепила. Мать, конечно, пылила изо всех сил. Кляла его на чем свет стоит, швыряла в лицо грязные рубашки и носки: «Пусть твоя стирает». Перестала предлагать ему ужин. Наверное, она была права. Уходишь – уходи. Зачем отрезать по кускам? Но уходить он, пожалуй, не собирался.

Однажды Лялька вытащила из почтового ящика узкий и хрусткий конверт явно нездешнего происхождения. На имя отца. Вскрывать побоялась – убрала в ящик письменного стола. Когда отец появился дома, отозвала его и протянула конверт. Он очень обрадовался.

– Может, объяснишь? – спросила Лялька.

Он объяснил: вызов на постоянное место жительства от каких-то липовых родственников.

- С Аллой собрался? - зло спросила Лялька.

Он неопределенно пожал плечами.

- А как же я? - разревелась Лялька.

Отец объяснил, что ее не бросит.

- Дурочка ты моя. Закончишь школу, получишь хорошую специальность, которая ТАМ тебя прокормит, - медсестры, или парикмахера, или массажиста - и тоже подашь на отъезд. - И жестко добавил: - Делать здесь нечего. Это ты четко должна понимать.

- А мать? - спросила Лялька.

- Не инвалид, - бросил отец. - Избавится от меня и еще жизнь свою устроит. Молодая баба. И раздражителя в моем лице не будет. Успокоится.

- Без тебя проживет, - сказала Лялька. - А без меня?

Отец пожал плечами:

- Захочешь - возьмешь ее с собой. Всегда есть выход.

- А если она не захочет уезжать, тогда как?

- Ну тогда это будет ее выбор. Запомни - выбор и выход есть всегда.

- Не всегда и не для всех. Только для таких уверенных, как ты, - грустно проговорила Лялька.

Она по-прежнему думала о Грише. Однажды собрались у Мити с Полей, разговоры были, как всегда, про отъезд.

- Сплошная диссидентщина, - смеялся Гриша и обнимал блондинку по имени Катя. Блондинка глупо хихикала и активно прижималась к Грише.

Лялька стояла на кухне и смотрела на темную улицу. Желтый фонарь отражался и отсвечивал в огромной луже.

- Грустишь? - Гриша подошел и обнял ее за плечи.

Лялька вздрогнула и повернулась к нему.

- А ты тоже уедешь? - тихо спросила она.

- Не с кем, - шутливо развел руками он. - А один я боюсь. Трус! - Он улыбнулся.

- Подожди меня, - прошептала Лялька.

Гриша внимательно и серьезно посмотрел на нее и кивнул. В кухню вошла пышногрудая Катя. Лялька отвернулась к окну.

Светик

Надо было срочно что-то делать. По утрам ужасно тошнило. Светик сосала конфеты «Взлетные», становилось немного легче. Слава богу, мать ничего не замечала - вся в своих кастрюлях и половых тряпках. У них остановился дальний родственник матери Славик - ждал комнаты в семейном общежитии, чтобы перевезти семью. Славик жил в Тюмени, был женат и имел годовалого ребенка и вновь беременную жену. В Москве он поступил в Академию внешторга, не без помощи, естественно, влиятельного родственника - отца Светика. Хотя и сам Славик был далеко не дурак - два языка, университет. Он был счастлив - впереди маячили переезд в столицу и командировка за рубеж.

Светик сообразила, что ей нужно сделать. Быстренько так сообразила. Главное - оказаться жертвой, тогда все пожалеют и простят. А если узнают, что по доброй воле, вот тогда хорошего не жди. Славик уехал на выходные в Тюмень. Светик

лежала в постели и говорила, что ей очень плохо. Она засунула два пальца в рот, и ее вырвало прямо на ковер. Вызвали «Скорую» из ведомственной поликлиники. Врач долго ее осматривал, мял живот, мерил температуру. Потом вышел на кухню и объявил родителям, что скорее всего их дочь беременна.

Отец сжал плотно губы и заявил, что такого просто не может быть. При этом он гневно посмотрел на мать: недоглядела.

Мать дрожала как осиновый лист и приговаривала:

- Как же так, господи, как же так!

Врач вздохнул и развел руками.

Отец вышел с ним в коридор и попросил держать все в тайне – до выяснения ситуации. В смысле до окончательного уточнения.

Врач понимающе кивнул:

- Понимаю, понимаю, как же. У самого дочь подросток. Следим в четыре глаза.

Отец выдавил из себя улыбку:

- Я на вас рассчитываю.

- Если что – обращайтесь, поможем. А может, еще обойдется – ну, в смысле диагноза. Я тоже могу ошибаться, – заверил его врач. – Короче говоря, нужен хороший гинеколог, чтобы не травмировать девочку.

- Девочку... – усмехнулся отец и, тяжело вздохнув, протянул врачу руку.

Маман стояла у окна – к Светику зайти она не решалась. Отец толкнул дверь в комнату. Светик лежала на кровати, вытянувшись струной, глаза в потолок, остановившийся, застывший взгляд. Отец взял стул и подвинул к кровати.

- Допрыгалась? – спросил он.

Светик молчала.

- Ну, дело твое. И жизнь - тоже твоя. Если мозги куриные - так и проживешь. Как твоя мать. Только ей еще повезло. А повезет ли тебе - не знаю. Не уверен. - И он замолчал.

Светик тоже молчала.

- Что застыла? - со злостью спросил отец. - Сказать нечего?

Светик села на кровати и посмотрела на отца:

- Он домой днем приходил. После занятий, пообедать. Мать на рынке была...

- Кто - он? - не понял отец.

- Славик, - тихо произнесла Светик.

- Славик? - переспросил отец.

Светик кивнула и опустила глаза. Отец вышел из комнаты, хлопнув дверью. Мать, стоявшая под дверью, испуганно отскочила.

- Славик твой! - прошипел отец и замахнулся на жену. Она вжала голову в плечи и зажмурила глаза. Он сплюнул на пол и ушел к себе.

Славик приехал через два дня. Мать спряталась в комнате. Отец вышел в коридор.

- Что, сволочь? Не побоялся явиться?

Славик застыл и уставился на родственника.

- А что, Альберт Иванович, что-то случилось? - не понял он.

– Да нет, ничего, так, мелочи. Пил, жрал из моих тарелок, поступил куда надо не без моей помощи. Захотел жить красиво. А потом нагадил в моем доме.

– Я не понимаю, – прошептал испуганный Славик. – Пропало у вас что-нибудь?

– Совесть у тебя пропала. А у меня все на месте. Почти. Дочь вот беременна, а так все в порядке.

– А я-то тут с какого боку? – опять не понял Славик.

– В общем, так, – сказал Альберт Иванович. – Сажать я тебя не буду. Дочь жалко – по всей Москве разнесут. А так сел бы лет на восемь, и там с тобой быстро разобрались бы. А жизнь тебе сломаю – не сомневайся. Из Москвы уедешь сегодня же. Там, в твоём Мухосранске, тебя тоже ничего хорошего не ждет. Это уж я постараюсь – не сомневайся. В лучшем случае пойдешь метлой махать. В лучшем! Жене твоей тоже сообщим – ну, чтобы тебя, такого верного, обласкала.

Славик сел на банкетку, закрыл лицо руками и, раскачиваясь как маятник, повторял:

– Это не я, Альберт Иванович, клянусь – это не я. Да разве я бы посмел? Светка мне как сестра. – Потом поднял голову и сказал: – Позовите Светку. Пусть при мне скажет.

Альберт Иванович открыл входную дверь и выбросил на лестничную площадку чемодан Славика.

– Пошел! – крикнул он.

Сгорбившись, Славик вышел из квартиры.

Через неделю мать со Светиком уехали в Ярославль. Там, в центральной городской больнице, работала сестра Альберта Ивановича, как раз в отделении гинекологии. Светику сделали аборт. Через три дня они вернулись домой. Все осталось шито-крыто. Со справкой о перенесенном ОРЗ Светик спустя неделю пошла в школу. Чувствовала она себя замечательно. Немного погрустила – от Янека по-прежнему не было писем, но вообще-то это ее уже не сильно и

беспокоило. Все в этой жизни, в конце концов, кончается, решила она. Сколько еще будет таких Янеков! С ее-то, Светиковой, красотой!

Славик вернулся в Тюмень. У жены после полученного из Москвы письма случился выкидыш. Славик запил, устроился на завод грузчиком, а через полгода утонул, будучи, конечно, сильно под мухой. Вода в реке была холодная, майская. Сначала свело ноги, а потом... Потом он просто не захотел выплывать. Но об этом его московская родня так и не узнала. У всех своя жизнь.

Светику надо было поступать, а куда – никак не могли определиться. Ей ничего не нравилось.

Мать вилась перед ней ужом – все старалась угодить, чувствовала свою вину. А отец – отец совсем замкнулся. У него появилось какое-то чувство брезгливости к дочери. Хотя странно – почему? Ведь Светик определенно была во всей этой истории жертвой. Но ничего поделать с собой он не мог. Тоска навалилась смертная. Чтобы как-то отвлечься, завел интрижку с молодой девицей из отдела кадров, хотя раньше этого не допускал – репутация в его кругу не позволяла. А сейчас расслабился. Что он, не человек?

Зоя

Зоя решила выкинуть из головы весь бред, всех этих мускулистых массажистов и физруков. Много чести! Впереди такой сложный год – выпускные и вступительные!

На семейном совете было решено, что она пойдет в медицинский. Во-первых, свой врач дома – уже плюс, а во-вторых, белый халат, стетоскоп, строгий взгляд, уважение и почет. Бабушка выбор одобрила. Зоя, со свойственными ей ответственностью и серьезностью, принялась за учебу. Особенно налегала на химию – самое слабое место. Три раза в неделю бегала на подготовительные курсы, читала специальную литературу и понимала, что выбор сделан абсолютно правильно, причем без всяких рефлексий и сомнений. А это уже счастье.

В декабре умерла бабушка, слегла с пневмонией и уже не поднялась. Зоя ставила ей уколы и банки. Бабушка говорила, что она подопытный кролик, правда, добавляла, что рука у Зои легкая.

Похоронили ее на Новодевичьем.

– Заслужила, – вытирая слезы, сказала мама.

Народу на похоронах собралось много – бабушкины подруги, соратники по работе, многочисленная родня. Пришла даже правительственная телеграмма, где были перечислены бабушкины заслуги перед родиной, вклад в дело революции и коммунистической партии, и, конечно, выражались соболезнования. Папа зачитал эту телеграмму в зале прощания. Поминок никаких не было – пережитки прошлого. После пламенных речей на кладбище все разъехались по домам.

Дома без бабушки было странно. Все продолжали говорить шепотом, словно она по-прежнему работала у себя в комнате.

Новый год не встречали – просто поужинали и разошлись по своим комнатам. На стену повесили фотографию бабушки в рамке – большую, размером со среднюю картину. С фотографии бабушка смотрела на всех внимательным и строгим взором – как вы там без меня? В комнате ее ничего не трогали – оставили все как при жизни. Однажды Зоя услышала, как папа раздраженно говорил маме, что пора сделать ремонт и в бабушкиной комнате устроить гостиную и наконец собрать гостей: «Мы были всего этого лишены столько лет». Мама плакала и возражала, а папа как-то очень недобро сказал, что она хочет оставить в квартире мемориальный музей, и предложил ей сходить в Музей революции, что на улице Горького. Зоя была согласна скорее с папой, чем с мамой. И вообще, она бы с удовольствием переехала в бабушкину комнату – большую, светлую, с окнами во двор. Но, конечно, родителям она этого не сказала. И в конце концов, это их дело. Как решат, так и сделают.

Зоя смотрела на себя в зеркало. Ничего примечательного: глаза и волосы цвета весьма неопределенного – что-то серое с блекло-коричневым, косица средняя, до лопаток. Это при том, что мама все детство мазала ей голову репейным маслом. Не то что Лялькины золотистые волосы до талии, или Веркины густые, блестящие и черные, как конский хвост, или Танины светло-каштановые, мягкой

волной: как на палец накрутишь, так и лягут. И уж точно не буйные темные Светиковы кудри. Нос обычный – не прямой, не курносый. На лбу – дурацкие мелкие прыщики. Правда, зубы хорошие – ровные, белые, ни одной пломбы. Ну, может, фигура ничего – талия, крепкие ноги, грудь, хотя этой самой груди Зоя как раз то и стеснялась. «Не девичья у тебя грудь», – смеялась Верка в физкультурной раздевалке. И вправду – слишком большая. Но Таня Зою успокаивала: «Это сейчас минус. А дальше будет только плюс». Конечно, Зое хотелось быть яркой и броской. Такой, чтобы все оборачивались вслед. Но раз не дано, значит, надо брать умом, интеллектом, образованием и еще – эрудицией. Так говорила бабушка. А что внешность? Разве любят за красоту? Вон, мама далеко не красавица, а уже семнадцать лет ходят с папой за ручку, неразлейвода.

Все зимние каникулы Зоя просидела за книжками и учебниками. Один раз съездили на кладбище, положили четыре красные гвоздики, любимые бабушкины цветы – цветы революции.

Весной все же решили сделать ремонт. Зоя осторожно спросила, можно ли ей переехать в бабулину комнату. Мама даже обрадовалась – делать в ней гостиную она считала почти кощунством. А так – все останется почти как при бабушке.

– Ты не возражаешь? – для порядка спросила мама.

Зоя, конечно, не возражала. Да и попробовала бы она возразить! Разве мама бы ее поняла?

Шура

Шуре велели мать из больницы забирать, сказали, там ей делать нечего. Перевезли на «Скорой», несли на носилках два санитаря. Когда положили мать на кровать, стали канючить деньги. Денег у Шуры не было. Достала набор хрустальных рюмок в коробке – то, что мать с Тонькой не успели пропить. Те повертели коробку в руках – ладно, сойдет. Ушли недовольные. Ну и черт с ними.

Мать лежала в кровати и смотрела в потолок. Шура пошла на кухню, села на табуретку и расплакалась. Как жить? Или, вернее, как выживать? Как оставлять мать на полдня одну? Не ходить в школу? Нанять сиделку – на какие шиши? К отцу она решила не обращаться. Опять будет рассказывать про беременную жену и стесненные жилищные условия.

Утром Шура накормила мать – пара ложек овсяной каши. Подала судно, умыла. Пошла в школу. Было тревожно, и она отпросилась с двух последних уроков, прибежала домой. Как чувствовала: мать пыталась поднять судно – и все мимо. Постель мокрая. На следующий день Шуру вызвала директриса. Посадила ее на диван, погладила по голове, налила чаю.

– Надо что-то решать, Шурочка, – сказала она. – Ты не справишься. И потом, десятый класс. Тебе надо поступать хотя бы в техникум. Нужна профессия, повар, к примеру, или швея, или парикмахер. А иначе, Шурочка, не проживешь.

Шура молчала. Потом рассказала, что есть родня в деревне, но тетка противная, жадная.

– А что делать? – вздохнула Лидия Ивановна. – Одной тебе не справиться.

Договорились, что Шура тетке напишет, но она все медлила, никак не решалась. Так прошло почти полгода. А весной случилась некрасивая история: у Линки Селиверстовой пропал кошелек с деньгами. И кошелек красивый, кожаный, и денег в кошельке было предостаточно – целых восемь рублей, Линка должна была оплатить занятия в музыкальной школе. Линка плакала и говорила, что мать ее прибьет. Школа заволновалась. Все знали Линкину мать – хабалка еще та, продавщица в мясном отделе. Линка твердила, что потерять кошелек не могла, перед первым уроком проверяла – он лежал в портфеле. Значит, сперли.

Директриса зашла в класс и тихим голосом сказала, что все могут ошибаться, со всеми может случиться грех. И предложила тому, кто взял кошелек, свой поступок осознать и положить его на стол в буфете. Инкогнито. И тогда не будет никаких расследований и разбирательств, никто не станет искать виновника. В классе стояла гробовая тишина.

Конечно, на следующий день объявилась Линкина мамаша. Кричала так, что стены дрожали. Обещала пойти в РОНО и Моссовет. И еще – в Генеральную

прокуратуру. Учителя решили собрать по рублю – только чтобы она не понесла эту историю дальше. Деньги ей отдали, но она продолжала орать, что в школе процветает воровство, еле выпроводили. А через неделю у Шуры из портфеля выпал Линкин кошелек. И началось! Зоя требовала открытого комсомольского собрания. Нашлись, конечно, и те, кто ее рьяно поддержал. Директриса просила этого не делать, провести собрание классом, без посторонних. Но молва уже гуляла по школе. Зоя требовала справедливости. Лялька и Верка пытались Зою уговорить, пожалеть Шурыгу. Но Зоя и Линка не вняли. В общем, было собрание. Шура сидела бледная как полотно и не поднимала глаз. Слово взяла пламенная Зоя – главный борец за справедливость, предлагала исключить Шуру из комсомола, требовала голосования. Встала Верка, сказала, что ситуации бывают разные. И в принципе человеку можно всегда найти оправдание и попытаться простить. Тем более что все знают Шурино положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/i-sharik-vernetsya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)